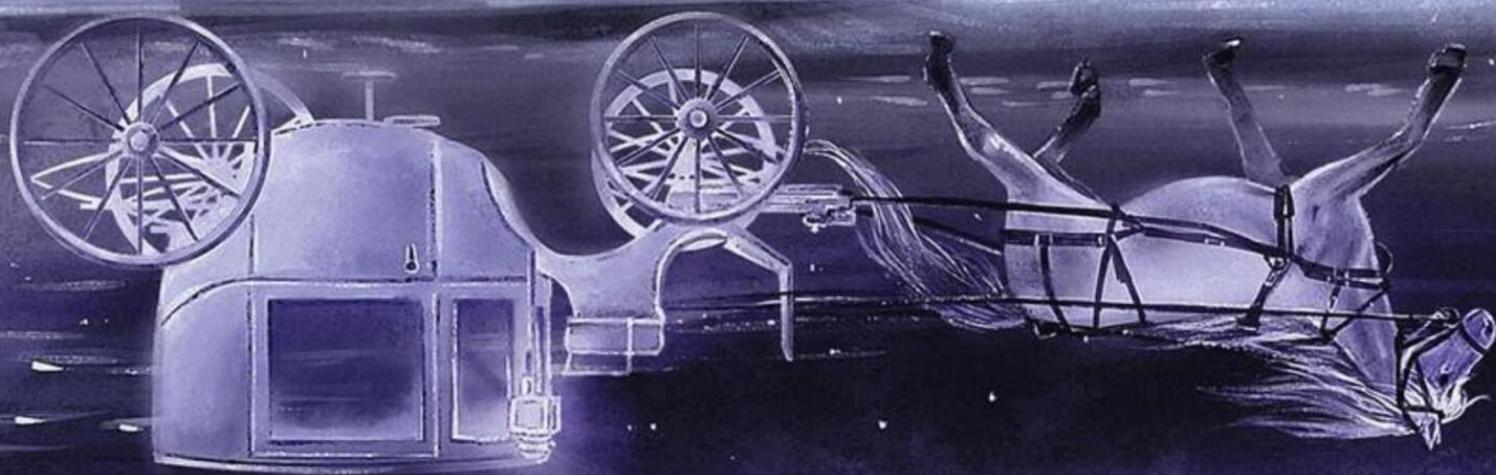

Евгения Левицки

ЛИСАУТ

Книга II

Евгения Левицки

Инсайт. Книга 2

«Автор»

2022

Левицки Е.

Инсайт. Книга 2 / Е. Левицки — «Автор», 2022

Путешествие подходит к концу. Впереди Большой Эмпорий, и все узлы вот-вот развяжутся. Ева с друзьями возвращается в Сомнус, чтобы собрать недостающие звенья в истории Дария. Только теперь судьба некроманта Ландегора переплетается с ее собственной, а цена правды оказывается непомерно высокой. События разворачиваются совсем не так, как этого ожидает Ева, и дар неизбежно ведет ее на путь, с которого не возвращаются...

© Левицки Е., 2022

© Автор, 2022

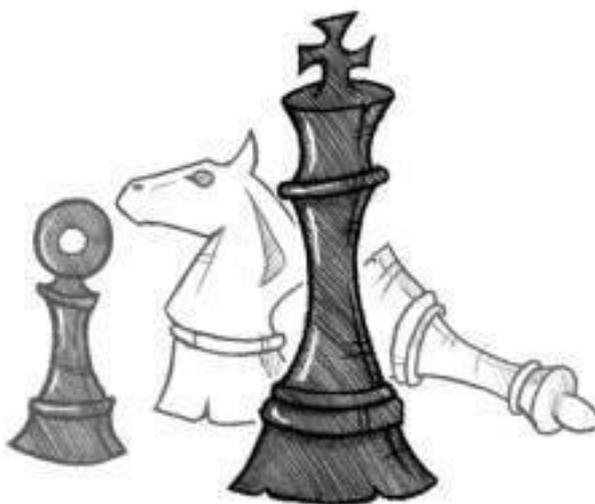
Содержание

Глава 1. Победит сильнейший!	5
Глава 2. Капкан	23
Глава 3. Любовь, душа, разум	37
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Евгения Левицки

Инсайт. Книга 2

Глава 1. Победит сильнейший!

Часа через три кучер остановил дилижанс. Они прибыли в небольшой городок под названием Таграна. В прошлый раз они проезжали его днем и останавливаться не стали. Килан так и не смог заснуть, лишь ненадолго его одолела легкая дрема. Как только экипаж остановился, он разбудил Еву. Стром проснулся сам и, расплатившись с кучером, уточнил у него, где найти ближайшую гостиницу. Ночевать в дилижансе они не собирались, поэтому решили остановиться на ночь в городке. День был тяжелым, они не ели с самого утра, а потом еще несостоявшийся арест у кладбища, так что сил ни у кого не было. Следовало поесть и отдохнуть, прежде чем продолжать путешествие.

Гостиница была совсем близко, и, к счастью, там оказалось достаточно свободных комнат. Войдя внутрь, Килан по привычке присел на подоконник, подвинув горшок с цветком. Он выглядел сильно уставшим и даже побледнел. Пока Стром заказывал еду и оплачивал номера, Ева повернулась к Шуту. Завернувшись в плащ и слегка сторбившись, он без интереса наблюдал за капитаном.

– Килан, ты в порядке? – спросила Ева.

– Угу.

– У него кровь, – шепнул Дарий, показывая на темное пятно на плаще.

– Покажи-ка... ты что, ранен?! – Ева протянула руку, чтобы отодвинуть плащ, но Шут вяло отмахнулся.

– Задело немного, – ответил он, – ерунда.

– А вот и нет! – протестовала Ева и, не слушая Килана, силой отодвинула полу плаща. Белая рубашка с правого боку пропиталась кровью, заодно испачкав плащ.

– Стром! – взволнованно крикнула Ева. – Нам нужен доктор! Или аптечка! Срочно!

Капитан отклонился от стойки и, недоуменно скривив брови, взглянул на Шута. Весьма удивившись, он повернулся к стойке, вытащил из кармана еще пару монет и протянул их управляющей.

– Аптечку, еще, пожалуйста, таз с кипятком и бинты, – он снова отклонился назад, на глаз оценивая серьезность ранения, – и алкоголь.

– А врача? – пискнула перепуганная Ева.

– Я сам врач, забыла? Справлюсь.

А ведь правда. Стром же говорил, что увлекался медициной, и к тому же брал уроки у Мориуса.

Пока управляющая выполняла запрос, капитан подошел к другу и, положив его руку себе на плечо, помог встать.

– Почему сразу не сказал? – нахмурился он.

Выпрямляясь, Шут слегка скривился от боли, но промолчал.

На второй этаж поднимались по узкой лестнице под скрип ступенек и кряхтение капитана. В номере Стром помог Килану улечься на кушетку, а сам начал приготовления. Ева бегала рядом, не зная, чем помочь.

– Перестань суетиться, девочка, – спокойно сказал капитан. – Давай-ка,ними с него рубаху. Ему лучше поменьше двигаться сейчас.

– Да я сам... – попытался возразить Шут.

– Я сказал не двигаться! – скомандовал Стром. – Ты потерял много крови. Вон, бледный весь, как бы заражения не случилось. – Подготавливая инструменты, капитан продолжал ворчать: – Сразу надо было сказать! И в кого ты такой дурак?..

Шут промолчал. Он не привык жаловаться. Хорошо еще, что во время стычки с военными он вовремя сменил Раснара: старший брат, увидев кровь, непременно хлопнулся бы в обморок.

Ева села рядом и стала расстегивать рубашку на груди раненого. Руки тряслись от волнения, а пальцы не слушались, и Ева, отчаянно борясь с пуговицами, старалась не смотреть Шуту в глаза. Он же, как замороженный, наблюдал за ней, любясь родинкой на щеке, и даже слегка заулыбался, заметив ее смущение. Слушая взволнованное дыхание Евы, он на время позабыл о головокружении и боли.

Наконец пуговицы были побеждены, и Ева, стараясь не смотреть на мускулистые руки и грудь Килана, стянула с него рубашку. Для этого ему пришлось приподняться, отчего мышцы под кожей заиграли. Ева покраснела, торопливо отвернулась и выскочила за дверь, чтобы отнести рубашку прачке. К утру окровавленную одежду следовало выстирать и высушить. Оказавшись за дверью, Ева остановилась, чтобы перевести дух. Она знала, что Килан постоянно занимался, поддерживая тело в тонусе, но никогда не наблюдала за его упражнениями на корабле. Что ж, тело впечатляло подтянутостью и рельефностью и вызвало у Евы волну смущения. Ну и зачем только Стром попросил ее помочь именно в этом деле?!

Рубашку и плащ отдали в стирку. Деликатная хозяйка не задавала лишних вопросов и пообещала вернуть вещи утром чистыми и сухими. Зимой постояльцев в отеле было мало, и она, дорожа каждым, относилась к гостям предельно внимательно, не вмешиваясь при этом в их личные дела.

Что ж, пора возвращаться, ведь капитану может потребоваться ассистент.

Вернувшись, Ева обнаружила Строма осматривающим рану. Держа лампу в одной руке, другой он вытирал запекшуюся кровь. Получив представление о ранении, Стром поставил лампу на тумбу.

– Пей, – сказал он, протягивая Шуту откупоренную бутылку. – Пуля застряла внутри. Вроде бы ничего не задето, я ее вытащу, но будет больно.

Шут послушался и сделал несколько внушительных глотков.

– Ева, – обратился к ней капитан, – будешь светить мне.

Она кивнула и взяла лампу.

– Готов? – спросил Стром, поднеся к ране чистый пинцет.

– Готов.

Ева взяла Шута за руку, о чем вскоре пожалела, потому что, когда капитан начал вытаскивать пулю, тот весь напрягся и сжал ее пальцы до хруста. Ева стерпела боль молча, тем более что Стром сделал все быстро и начал обеззараживать рану, щедро поливая ее виски.

– Осталось перевязать, – сказал капитан, – давай бинты.

– Я хочу, чтобы ты научил меня, – сказала Ева.

– Чему? – Стром поднял на нее рассеянный взгляд.

– Накладывать повязку.

– Зачем тебе?

– Ты тут единственный врач. А вдруг тебе самому понадобится помощь? Я должна знать, как это делается.

Капитан удивленно хмыкнул.

– Хорошо, девочка, смотри и запоминай.

Капитан сложил бинты в несколько слоев, нанеся на них целебную мазь, и приложил к ране, после чего помог Шуту сесть и с помощью Евы зафиксировал повязку бинтами, широко перевязав ее поперек торса, накидывая бинт и на плечи, чтобы повязка не съезжала.

Ева, сфокусировавшись на перевязке, наконец перестала смущаться, хотя все еще предпочитала не встречаться с Киланом взглядом. Он же, подогретый виски, напротив, со свойственным ему озорством в глазах внимательно наблюдал за ней, пытаясь поймать ее взгляд.

В дверь постучали: это принесли еду. Аппетита у Шута практически не было, поэтому Ева буквально уговаривала его поесть хоть немного, после чего оставила мужчин в номере одних, уйдя спать в свою отдельную комнату. Дарий ждал ее там вместе с Шерлом. Ранее, понаблюдав за зверем, Ева заметила, что саламандр ощущает присутствие призраков, потому как крутился он именно там, где находился Дарий.

– Ну как, – поинтересовался Дарий, – подлатали твоего друга?

– Да, – ответила Ева, падая на кровать. – Хорошо, что ты заметил кровь, а то он бы, наверное, и дальше молчал.

– Отважные у тебя друзья, – заметил призрак, – борьба была сильно неравной, но они продолжали защищать тебя.

– Да... – вздохнула Ева.

– Мне бы хоть каплю их отваги и смелости, и я никогда бы не застрелился, – флегматично произнес призрак.

– Снова коришь себя?

– Постоянно. Ужаснее ошибки я не совершал за всю свою жизнь. Уже будучи мертвым, я понял одну, казалось бы, простую вещь: исправить можно все, кроме смерти.

Казалось, Дарий снова и снова окунался в личное горе. Ева хорошо чувствовала его настроение: от призрака веяло усталостью и отчаянием. Теперь ему предстояло смириться с вечными скитаниями, из-за чего он все больше презирал самого себя за совершенную глупость. Дарий пытался смириться, но это давалось ему с трудом. И если раньше Ева ощущала исходящую от него надежду, то теперь от призрака тянуло могильным холодом и безысходностью.

– Шут, ты спишь?

– Нет.

Друзья лежали на своих кроватях в темноте, пытаясь заснуть. Килана мучила боль, из-за которой все время хотелось повернуться на бок, но Стром запретил ему ворочаться. Снаружи ухала сова, а ветви дерева, растущего прямо перед окнами, мерно постукивали по стеклу.

– Я тут подумал... – начал капитан, – ведь лагрианские камни состоят из двух частей: блюдца и самоцветов.

– И что?

– А то, что я вижу, как ты с ума сходишь по девчонке, – прямо сказал Стром, – а она по тебе. И вот что я подумал.

С постели Килана послышалась возня.

– Не вставай и не двигайся, – предупредил капитан, – просто слушай. Вормак будет в восторге от камней, он любит такие мощные штуки. Но камни не действуют без блюдца, а блюдце не работает без камней. Я предлагаю нам с тобой разделить добычу. Я, скажем, возьму блюдце, а ты самоцветы.

– И что это даст?

– Ворону придется играть и с тобой, и со мной, чтобы заполучить полный комплект. Если я проиграю, он получит лишь блюдце и не откажет тебе в партии.

– А если ты выиграешь?

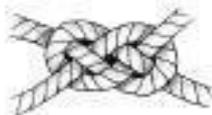
– Отдам блюдце тебе. И Вормак все равно с тобой сыграет. Только не продуй. Выбирай игру, в которой сможешь победить.

– Стром, я не знаю, что ответить... я и думать об этом не смел.

– А и не отвечай ничего. Просто выиграй, и пусть он уже вас разделит. Сил нет смотреть, как вы с Евой мучаетесь.

– Спасибо, Стром, – растерянно ответил Килан, но в голосе его звучала неприкрытая радость. – Спасибо! Я обязательно сделаю это. Я обыграю Ворону.

Теперь он просто обязан обыграть мага. Шут готов даже обратиться за помощью к Раснарии, ведь этот всезнайка, обладая природной усидчивостью, мог отыскать что угодно и при желании научиться любой игре. Пусть они с братом и ненавидят друг друга, но теперь они должны объединиться, чтобы сделать одно общее дело.

Мориус открыл ворота и вошел в собственный двор. Следы, которые они с Ниттой оставили с утра, уже припорошило снегом. Пройдя через заснеженный сад, лорд отворил двери и оказался в доме. Как бы ему сейчас пригодился тот призрак, что мог одним только движением зажечь разом все свечи. Лорд снял плащ и, повесив его у двери, поспешил развести огонь в камине. За день дом остыл, и находиться в нем стало холодно.

Пока поленья разгорались, Мориус зашел в кабинет, чтобы забрать оттуда все самое необходимое. Он сложил документы и результаты исследований в коробку, попутно просматривая некоторые бумаги: право на владение землями в Глаасе, завещание отца, пересланное ему адвокатом, документ, подтверждающий его титул. Все было оформлено на имя Мориса Сагарда.

После кабинета Мориус поднялся в свою спальню и какое-то время стоял, глядя в окно, словно прощаясь с полюбившимися ему лесом и горами. Выйдя из оцепенения, лорд открыл тумбу, вытаскивая из нее вещи. В нее с утра, сам не зная зачем, он спрятал тетрадь Электы. Он знал, что Нитта не будет рыться в его вещах, и не опасался, что она найдет тетрадь с письмами. Ему почему-то хотелось хранить поближе вещь, прежде принадлежавшую его возлюбленной.

Как призрак Мориус бродил по собственному дому, забирая из каждого его угла, из каждой комнаты что-то, что было для него самым важным. Оставаться в усадьбе было нельзя, и он планировал собрать все самое необходимое, чтобы дождаться друзей в доме Евы. Лорд решил, что они, не найдя его в усадьбе, обязательно наведаются туда. Оставлять записку было глупо: если убийца проберется в дом, то непременно найдет послание и выследит Мориуса в его временном убежище.

Днем лорд планировал навестить губернатора и сообщить ему об отъезде, но делать это предстояло осторожно, чтобы злоумышленники не отследили, где он укрывается. Говорить о готовящемся на него покушении Мориус не хотел. Он знал, что Эгирин непременно поднимет шумиху, будет уговаривать лорда остаться, а также организует для него охрану. Мориус, не привыкший к подобному, не хотел привлекать к себе слишком много внимания. В этом городе он все равно чужак и нажил достаточное количество врагов, чтобы быть убитым если не прямо сейчас, то позже.

Осталась последняя комната. Лорд вошел в фиолетово-зеленую гостевую, положил тетрадь Электы на стол, и, подойдя к окну, присел на подоконник, как это обычно делал Шут. Раньше лорд практически не бывал в этой спальне. Теперь же ему не хотелось из нее выходить. Мориус любил свой дом. Гораздо больше, чем поместье отца. Он построил его для себя и под себя именно таким, каким и хотел видеть: в форме восьмигранника с широким холлом в центре, получающим свет от двух террас, расположенных друг против друга, и от окон подле входной двери. Обычно лорд легко покидал места, где жил, но Сомнус стал единственным городом, в котором ему хотелось остаться.

За сбором бумаг и вещей первой необходимости прошло несколько часов. За окном послышался звон колокольчика – это вернулся кучер, которого лорд попросил подъехать к часу ночи, чтобы не ловить экипаж на пустынных улицах. Очнувшись от раздумий, Мориус поспешил вниз, потушил свечи и огонь в камине, взял коробку с вещами и вышел на улицу. Возница дожидался его снаружи. Мориус назвал адрес, забрался в экипаж и, когда тот тронулся, наконец вздохнул чуть свободнее.

Задерживаться в Тагроне надолго было нельзя, поэтому к обеду друзья уже были готовы к отъезду. Стром проверил состояние Цербера и, сочтя его удовлетворительным, попросил хозяйку подать экипаж. Рубашку и плащ к утру выстирали, вычистили и просушили, и раненый был полностью готов к дороге.

Ехали быстро и ночью уже должны были достичь пристани. Почти всю дорогу выюжило, и Ева зябла, кутаясь в теплый плащ. Часть пути Сомбер развлекал друзей песнями, другую же часть Раснария рассказывал интересные вещи о местах, которые они проезжали, и о людях, их населяющих. Он действительно был очень эрудированным. Его начитанность и острый ум любопытным образом сочетались с житейской глупостью и недалечностью. К тому же он был очень вспыльчивым, хотя и не злым человеком. Больше всего на свете Раснария опасался потерять свое лицо: как в буквальном, так и в переносном смысле. Он тщательно следил за своей репутацией в обществе и злился на Шута за то, что тот о ней совершенно не заботился, а теперь еще и лицо с руками наградил отвратительными шрамами. Поэтому предложение обыграть Вормака вместе старший брат принял более чем восторженно. Раснар был силен в шахматах и, намереваясь предложить магу именно эту игру, во время недолгого привала успел наведаться в крохотную библиотеку, взяв там нужную книгу, чтобы потренироваться в пути.

В Бриудж прибыли глубокой ночью. Ева уже клевала носом, когда экипаж замедлил ход и в конце концов остановился. Гомон на площади не стихал даже ночью, ведь корабли прибывали и отчаливали в любое время суток. Висмут снимал небольшую комнату в портовой гостинице, где его и нашел Стром. Быстро одевшись, кок поспешил на улицу. Он соскучился по Еве и торопился поскорее обнять ее. Увидев девушку в зеленом плаще, надетом на белое платье, он споткнулся и едва не слетел с крыльца прямо ей под ноги.

– Ты... восхитительна! – выдохнул он и заключил Еву в объятия, тут же столкнувшись с внимательным прищуром Шута, что стоял позади нее.

– Пойдем, – сказал Стром, – пора отправляться в обратный путь.

– Вы узнали то, что хотели? – спросил Висмут, выпуская Еву из объятий. – Призрака больше нет?

Дарий, услышав вопрос, усмехнулся и коснулся рукой шеи и плеча повара. Рука призрака по обыкновению прошла сквозь живое тело, и Висмут поежился от внезапного ледяного прикосновения, которое уже не раз ощущал на корабле и которое открыто ненавидел. Дария же, напротив, забавляла реакция Висмута, и он периодически развлекался тем, что проходил прямо сквозь парня, заставляя его ойкать и вздрагивать.

– Похоже, что он все еще с нами? – догадался кок. – Но почему? Он же собирался уйти.

– На корабле расскажем, – ответила Ева.

Они ждали капитана на пирсе. Ему предстояло подняться на борт, свернуть бриг в шляпу и, оказавшись рядом с друзьями, тут же развернуть портал, с которым они могли максимально приблизиться к берегам Ласнора и оказаться в Сомнусе дней на десять раньше.

Под изумленные возгласы очевидцев капитан свернул корабль и, пока люди не успели опомниться, открыл портал, в который друзья вошли один за другим. Шляпа, крутясь, уменьшилась и исчезла, оставив ошалевших моряков с торговцами удивленно хлопать глазами.

В Ласнорском проливе в это время уже занималась заря. Путешествуя с помощью корабля-шляпы Строма, можно было воочию наблюдать смену часовых поясов. Между Стеклянными островами и Сомнусом разница во времени составляла приблизительно шесть часов.

Позавтракав заранее купленной едой, путешественники разошлись по каютам, чтобы немного передохнуть с дороги. Море было спокойным и тихим, корабль мерно покачивался на его волнах, но Висмут не мог заснуть. Никак не получалось выкинуть из головы новый образ Евы и тот пристальный взгляд, которым одарил его Шут на причале. Что могло произойти за время их путешествия? Висмут боялся даже предполагать, но понимал, что чувства Евы к конкуренту взаимны и прятать их тот более не собирается. Почему? Ведь до путешествия на архипелаг он старательно делал вид, что Ева для него всего лишь друг. Мучимый этими мыслями, Висмут проворочался до самого утра, прислушиваясь к каждому шороху: вдруг это Ева проснулась? Тогда он сможет увести ее с собой на камбуз под предлогом помочь ему с готовкой и хотя бы ненадолго остаться с ней наедине.

Однако первым проснулся капитан. Постучав в каюту Висмута, он попросил его приготовить пойманную в сеть рыбу, и кок уныло побрел на камбуз.

Стром сверил положение «Провидца» в океане и, подняв паруса, направил судно к порту. По подсчетам капитана, при хорошей погоде они прибудут в Сомнус меньше чем через сутки. К обеду проснулись остальные члены экипажа и, щурясь, выбрались на палубу.

– Как тут светло, – зевнула Ева, прикрывая глаза.

– Вышли из подземелья, чудища? – хихикнул капитан, набивая табаком трубку. – А Вис уже супчик приготовил, сейчас будем трапезничать.

Капитан любил иной раз вернуть в свою речь какое-нибудь изысканное словцо, но теперь, учитывая его небритый вид и крупный синяк под глазом, эти слова звучали не так эффектно, как ему самому казалось. Впрочем, Строма это ничуть не смущало, и он невозмутимо пыхтел трубкой, наблюдая за облаками.

За обедом друзья поведали повару о том, что с ними случилось в Серпенте. Висмут же рассказал, что корабль в одну из ночей пытались угнать какие-то пьяницы, но так и не смогли взойти на борт, постоянно наталкиваясь на невидимую преграду. Повезло, что они были пьяны в стельку, и очевидцы просто смеялись над их попытками, которые закончились падением хулиганов в воду. Благодаря этому никто не заподозрил, что корабль заколдован, и Висмут вздохнул спокойно.

После обеда капитан велел Шуту отправляться вниз, а Еве сказал приготовить все для перевязки. Ева вошла в каюту Цербера, неся перед собой небольшой ящик-аптечку и бинты. Шут встал возле кушетки, подставив раненый бок под свет канделябра, а Стром осторожно начал снимать повязку, комментируя для Евы свои действия. Важно было не повредить свежие корочки, которые успели образоваться вокруг ранения.

– Заживает неплохо, – отметил капитан, – действительно, как на собаке.

– А я говорил, что на мне все быстро затягивается, – улыбнулся Килан.

Ева внимательно наблюдала за действиями капитана, своевременно подавая ему чистые тряпицы.

– Готово, – сказал Стром, закончив с промыванием.

– Как это готово? – удивилась Ева. – А мазь? А повязка?

– А вот это все сделаешь ты, – невозмутимо ответил капитан, – ведь ты уже это умеешь. Все, я пошел. Дела!

С этими словами капитан забрал початую бутылку виски и кастрюлю с кипятком и вышел из каюты, осторожно хлопнув за собой дверь.

Ева занервничала. Килан, стройный и загорелый, стоял перед ней с оголенным торсом, и ей казалось, что он улыбался, глядя на нее. Сама она не смела поднять на него взгляд, опасаясь снова покраснеть и выглядеть глупо.

– Что ж, начнем, – вздохнула Ева и принялась складывать бинты слоями, чтобы нанести на них мазь.

Она больше не делала попыток сблизиться с Киланом. В силу своей неопытности она до сих пор не смогла понять его истинного к ней отношения, которое для остальных было очевидно. Получив от него отказ дважды, Ева меньше всего хотела быть отвергнутой снова. Он это чувствовал, и теперь, когда девушка все-таки поверила в то, что она для него всего лишь друг, Шут едва сдерживался, чтобы не закричать: «Забудь мои выходки! Ты нужна мне!»

Килан же волновался не меньше самой Евы, и, если бы не кровь, стучавшая у нее в висках, она бы услышала, как гулко в этот момент билось его сердце.

Она приложила бинт с мазью к ране и принялась плотно ее перевязывать. Чтобы не ходить вокруг Килана, ей приходилось перехватывать бинт руками за его спиной. Он чувствовал ее дыхание на своей коже и легкие, бережные прикосновения, когда она снова и снова, словно обнимая его, перехватывала за спиной бинт. По коже от этого то и дело пробегали мурашки.

– Так хорошо? – нарушила напряженную тишину Ева. – Не давит?

– Все хорошо, – хрипло ответил Шут и тут же откашлялся, – я бы даже сказал, идеально.

Дрожащими руками Ева перекинула бинт через плечи пациента, как учил ее Стром, чтобы повязка не съезжала, и зафиксировала его узелком.

– Готово, – сказала она и, сделав шаг назад, чтобы посмотреть на свою работу, окинула Шута внимательным взглядом.

– Даже не знаю, как отблагодарить тебя, – улыбнулся он.

– Век не расплатишься! – отшутилась Ева.

Теперь, когда они были не так близко друг к другу, она смогла смело посмотреть в его глаза. В них отражались огоньки свечей.

– Есть один способ... расплатиться, – сказал Килан и взял Еву за руку.

Он притянул ее поближе, обнял за талию и, прижав к себе, поцеловал. Ева, несмотря на неожиданность, не испугалась и не растерялась, а обняла Килана, целуя его в ответ. Не один раз она прокручивала этот момент в своих девичьих мечтах, и он оказался именно таким, каким она его себе представляла. Его легкая щетина покалывала лицо Евы, а руки нежно обнимали ее стройный стан. Первый поцелуй с любимым мужчиной отозвался жаром в груди и легким головокружением. Килан же, ощущая ее руки на своих плечах и шее, буквально сходил с ума

от ощущений. Поцелуй длился всего лишь несколько секунд, но влюбленным показалось, что прошла целая вечность.

Разрушив сей трепетный момент, в каюту ворвался Висмут. Хватая ртом воздух, он остановился в дверях. Ева вздрогнула, отпрянув от Килана, торопливо схватила аптечку и, минуя кока, выскочила из каюты. Шут даже не повернулся. Не обращая на соперника внимания, он надел рубашку и принялся неторопливо застегивать пуговицы. Висмут тем временем уже закрыл дверь и, еле скрывая злость, глядел на Цербера.

– Ты что-то хотел? – улыбнулся Шут.

– Ты! – прошипел Висмут. – Как ты смеешь так вести себя с ней?

– Тебя что-то смущает? – лукаво прищурился Килан и присел на кровать.

– Ты калека! Во всех смыслах! – Висмута трясло. – Ты ничего не сможешь ей дать, Шут.

Ничего, кроме боли. У тебя даже собственного тела нет!

– Ну, допустим.

– Признаешь? Тогда ты должен оставить ее в покое, а не влюблять в себя еще сильнее.

Если любишь ее, отступи!

– Люблю, – без тени улыбки ответил Шут. – И не отступлю именно поэтому. Хочешь бороться, Висмут? Борись! Но и я буду.

С этими словами Килан встал, потушил свечи и вышел из каюты, оставив Висмута одного в полной темноте.

– Помешал вам мальчишка? – не глядя на друга, спросил Стром.

Он курил, стоя на марсе: там, где обычно они с Киланом вели беседы.

– Нет, – ответил Шут, – он пришел как раз вовремя. Иначе я окончательно потерял бы над собой контроль.

Стром повернулся, вопросительно взглянув на друга.

– Я позволил себе немного лишнего, – ответил Шут.

– Так я ведь нарочно вас двоих наедине оставил, – пропыхтел капитан. – Висмут же как узнал, что Ева там тебе перевязку делает, тут же бросил свои кастрюли и вниз рванул. Я даже поймать его не успел. Где он, кстати?

– Там же, переваривает наш с ним разговор.

– О как. И о чем говорили?

– О том, что я ей не пара.

Капитан хмыкнул.

– Он, конечно, во многом прав, – признал Шут, – но я не стал говорить ему, что мы с тобой разделили камни. И что Раснария теперь вместе со мной готовится к Эмпорию.

– Почему?

– А для чего ему знать о моих намерениях? Я привык делать, а не болтать.

Капитан одобряюще кивнул.

Ева торопливо зашла в свою каюту и, закрывшись изнутри, прислонилась к двери спиной. Сами собой зажглись свечи в канделябре. Ева повернулась к источнику возгорания.

– Я думала ты на палубе, – сказала она Дарию, сидящему на тумбе.

– Хотел побыть один.

– Тебя ведь все равно никто не видит, – не поняла Ева. – Там, где нет меня, ты всегда один.

– Зато я всех вижу и слышу, – Дарий соскользнул с тумбы на кровать, чтобы Ева могла поставить аптечку.

Сделав это, она присела рядом.

– Выглядишь взволнованной, – заметил призрак. – Что-то случилось?

Ева издала смущенный смешок.

– Мы делали перевязку Шуту, а потом Стром оставил нас одних.

– И?

Девушка покраснела.

– И Килан поцеловал меня! – пискнула она.

Дарий беззвучно рассмеялся, глядя на нее.

– Что же тебя так напугало? – улыбнулся он. – Ведь любовь прекрасна. Особенно взаимная.

– Понимаешь... – Ева смутилась, – раньше со мной такого не случалось.

– Ты не влюблялась раньше?

– Еще когда была совсем юной, но, сам понимаешь, это было не так серьезно. К тому же все меня сторонились и даже смеялись надо мной, а объект моей симпатии смеялся сильнее всех.

– Да, ты говорила, что у тебя не было друзей.

– Да, да... – Ева рассеянно теребила шнуровку на платье. – Потом я уехала и тут же познакомилась со Стромом. Он услышал, что я собираюсь посмотреть дом на холме и попросил взять его с собой. Наверное, ему стало жалко глупую девчущку, и он стал за мной присматривать, познакомив заодно с Шутом и его братьями.

– Значит, до него у тебя не было ничего серьезного?

– Нет, конечно, – вздохнула Ева. – И зачем только я все это тебе рассказываю?..

– Мне приятно, что ты делишься со мной, – серьезно сказал призрак, коснувшись ее руки, – ведь я много раз рассказывал тебе о том, что не давало мне покоя, однако ты никогда не говорила, что волнует тебя.

– Мне было трудно делиться такими мыслями.

– Понимаю. Но что же потом? Он признался тебе?

– В чем признался?

Да как она не понимает?! Может, это нондиверы отшибли способность анализировать действия других людей, чтобы понимать столь очевидные факты, ведь иначе никак не объяснить ее постоянные сомнения. Или же отказы Шута так сильно ранили ее, что она никак не могла поверить в его чувства к ней?

– В том, что он любит тебя, Ева, – серьезно ответил Дарий.

Нет, она несомненно это чувствовала, но предпочитала верить своим глазам, которые, как нарочно, не замечали ни плохо скрываемых взглядов Шута, ни его тщетных попыток справиться с собственными чувствами.

– Ты так думаешь? – с надеждой спросила Ева.

– Да, – ответил Дарий, чувствуя, что снова сболтнул лишнего, – только, пожалуйста, не говори ему, что это я подсказал тебе. Хорошо?

– Хорошо, – задумчиво произнесла Ева.

Она легла на кровать и устремила взгляд в потолок. Что ж, ей не показалось. Она не ошибалась. Всю свою жизнь Ева привыкла сомневаться в себе и в том, что видит и чувствует. Ее считали больной, сумасшедшей, и постепенно она сама привыкла к этой мысли. Теперь, осознавая все, Ева не знала, чему радоваться больше: тому, что ее чувства взаимны, или тому, что она напрасно сомневалась в собственной адекватности. Радость от того, что Килан тоже ее любит, разлилась по телу волнительным чувством, пульсируя в висках и вызывая покалывание на кончиках пальцев.

До самого вечера Ева сидела в каюте, боясь выйти наружу. Она храбрилась, размышляя о том, как поведет себя, когда Шут признается ей в своих чувствах. Думала, как будет смотреть в глаза Висмуту, который стал свидетелем их поцелуя. Отчего-то ей было стыдно перед ним. Хоть Ева неоднократно напоминала повару о том, что влюблена в другого, она понимала, что

сейчас ему может быть больно, и это ее расстраивало. Меньше всего на свете она хотела причинить кому-нибудь боль. Такой смеси чувств она никогда раньше не испытывала. Вообще, после отъезда из родного Гланбери, она каждый день сталкивалась с чем-то новым: будь то событие или ощущение.

В дверь постучали. Ева прислушалась. Сердце ушло в пятки. Вдруг это Шут?

– Ева, ты в порядке? – услышала она голос капитана.

– Да, – откликнулась она, – все хорошо.

– Выходи, – сказал Стром, – поужинаем. Уже пора.

– А скоро мы будем в Сомнусе? – уточнила Ева, надеясь протянуть без еды до порта.

– Часов через пять или шесть, – ответил капитан. – Не глупи, выходи.

Щелкнул замок, Ева приоткрыла дверь.

– А я могу тут поесть? – шепотом спросила она.

– Нет! – капитан открыл дверь шире. – Команда трапезничает полным составом. Идем.

Стром понимал ее чувства, но не мог позволить прятаться в каюте. Надлежало привыкать к сложившейся ситуации, и чем раньше она это сделает, тем лучше будет для всех.

Идти на камбуз не одной, а вместе с капитаном было не так волнительно. Он не задавал вопросов, хотя, похоже, прекрасно знал о том, что случилось во время перевязки.

Пока ели, Ева украдкой поглядывала на Килана, но тот старательно избегал ее взглядов. Стром вел себя как обычно: что-то рассказывал, вспоминая интересные истории из своего прошлого, когда еще служил штурманом. После ужина капитан попросил Сомбера исполнить балладу о братьях.

Подгадав удобный момент, Ева вернулась в каюту за плащом и поднялась на палубу, чтобы полюбоваться закатом. Она облокотилась на бортик, наблюдая за бликами на воде. Было холодно, и Ева поплотнее укуталась в плащ. Чем ближе был Сомнус, тем холоднее и тяжелее становился воздух. Шерл, снующий по палубе в поисках насекомых, привезенных с архипелага, увидев Еву, радостно заурчал и забрался к ней на плечо. Пылающее солнце подсвечивало красновато-оранжевым цветом редкие облака и воду, в которой, казалось, вот-вот утонет.

– Красивый закат, правда, Шерл? – сказала Ева, почесывая зверю макушку.

– Красивый, – услышала она голос за спиной.

Висмут встал рядом и какое-то время молчал, Ева же не решалась нарушить эту тишину. Они просто стояли и смотрели, как красно-золотое светило опускается в воду.

– Что будешь делать, когда вернешься? – неожиданно спросил Висмут.

Ева обрадовалась, что он не спрашивает ее о том, что случилось в каюте, и немного расслабилась.

– Я пока еще не решила, – ответила она. – Сначала мы заедем к нашему другу лорду Мориусу, а потом... потом не знаю. Когда я поселилась в Сомнусе, то думала, что буду выращивать растения и обучусь травничеству, но теперь не знаю.

– Поезжай с нами на Эмпорий, – предложил кок, – да и вообще... давай путешествовать с нами!

Ева замаялась. Она думала об этом раньше, но теперь, когда у них с Шутом появилась некая неопределенность, ее это несколько напрягло. Дарий считает, что Килан любит ее, и в глубине души Ева ждала, что он проявит инициативу на берегу, где будет меньше внимания от других членов команды. И вот там, в зависимости от того, как он поведет себя, Ева и примет решение: путешествовать с друзьями дальше или остаться в городе и заниматься теперь уже не травничеством, а изучением собственного дара. Для начала следовало найти Треора, ведь теперь у Евы есть собственный полтергейст, судьбой которого она не на шутку озадачилась. Она надеялась, что альбинос подскажет ей какое-то решение или же она сможет отыскать его в книгах, чтобы помочь призраку покинуть мир живых.

– Что тебе делать в городе? – продолжал Висмут, приобнимая ее за плечи. – Путешествуя, увидишь мир. Сейчас еще Стром обыграет Вормака, и махнем на его родину.

Ева осторожно сняла со своего плеча его руку.

– Сначала я должна закончить кое-какие дела, – сказала она, – а потом, возможно, я к вам присоединюсь.

– Не поедешь с нами на Эмпорий? – расстроился он.

– Боюсь, что нет, Висмут. Сначала мне нужно немного научиться управлять своим даром. Понять, что с ним делать. Что вообще умеет некромант, кроме как нести разрушения и плодить одержимых. Я и так уже натворила дел, впредь нужно быть осторожнее. Мне нельзя ехать куда-то еще, не имея никаких знаний об этом своем проклятии, понимаешь?

Ева старалась не смотреть на собеседника, устремив взгляд на красную полоску света, оставшуюся от утонувшего солнца. Висмут не ответил и, не выдержав молчания, Ева повернулась к нему лицом. Когда кок расстраивался, его зеленые глаза становились почти серыми, и она непременно бы это заметила, если бы не сумерки.

– Что ж... – Висмут грустно посмотрел на Еву, – тогда я хотел бы остаться с тобой, чтобы помочь тебе поскорее решить все вопросы, – он расправил плечи. – Я буду защищать тебя.

– Нет, Вис, ты нужен Строму здесь, – мягко ответила Ева. – Помнишь, что он говорил? Без тебя питались бы они сухарями да сушеной рыбой.

Как все-таки изящно она указала Висмуту, где его место. И место это было где угодно, только не рядом с ней. И чем только ее очаровал этот Шут? Ну, шут же?! И к тому же старше ее на четырнадцать лет. Не то что Висмут! Он-то почти ее ровесник. Он молод, силен, красив (да-да, от скромности кок бы точно не умер), а главное – искренне любит ее. А вот любит ли ее рыжий на самом деле – большой вопрос. У него никогда не было постоянной спутницы, и Висмут считал его довольно ветреным. Вдруг Ева для него – всего лишь временное увлечение?

Так думал Висмут, когда Ева замерзла и вернулась в свою каюту, оставив его в одиночестве наблюдать за чернеющим небом. В глубине души кок понимал, что Шут настроен решительно, и, если бы его чувства к Еве не были серьезными, он не стал бы даже заигрывать с ней, ведь она была подругой Строма. Обидеть Еву – значит, обидеть капитана, который дорожит ей, как собственной дочерью. Шут предлагал честную борьбу за любовь Евы, и Висмут, несмотря на то, что страшно злился на соперника, проникся к нему уважением. Одно было нечестно: Ева уже любила Килана, и Висмут совершенно не представлял, как добиться от нее взаимности, не переступая через совесть. Даже озябнув, она не позволила обнять ее за плечи и поспешила вернуться в каюту.

Уже этой ночью они будут в порту. Времени осталось совсем мало. И Висмут решился. Он спустился в трюм и, помявшись у двери Евы с минуту, постучался.

Она тут же открыла, надеясь, что это Килан спустился поговорить с ней наедине.

– А, это ты... – разочарованно бросила она. – Заходи.

Висмут почувствовал себя ужасно. В первую очередь из-за реакции Евы на его визит, а во вторую – из-за того, что собирался ей сказать. Впрочем, он не должен стыдиться своих намерений, ведь это для ее же блага. Да, точно, это для ее блага! Висмут набрал воздуха в легкие и, успокаиваясь, медленно выдохнул.

В каюте было две кровати, на одну из которых присела Ева. Висмут занял место напротив.

– Надеюсь, здесь нет твоего призрака? – уточнил он. – Я хотел бы поговорить без свидетелей.

– Понял, – кивнул Дарий, наблюдавший за гостем с тумбы, – но если что, зови меня.

С этими словами он взмыл вверх и, просочившись сквозь потолок, отправился на палубу.

– Его здесь нет, – ответила Ева. – Что ты хотел?

– Я хочу, чтобы ты выслушала меня, – начал Висмут. – Это касается тебя и... и Шута...

Ева напряглась.

– Я хочу поговорить о ваших... кхм... отношениях. Понимаешь...

– Погоди-ка, – перебила Ева, – ты сказал, что это касается меня и Шута. Но ведь не тебя, Висмут? Мне не нравится, что ты так активно интересуешься моей личной жизнью.

– Просто послушай, – вздохнул кок, – пожалуйста.

Он должен это сделать. Ради ее блага. Конечно, для нее так будет лучше, он не делает ничего плохого. Он всего лишь желает ей добра.

– Хорошо, – нахмурилась Ева, – говори.

Висмут встал и начал расхаживать по каюте, похрустывая пальцами. Так ему было легче продолжить этот непростой разговор.

– Понимаешь, – начал он, – я хотел сказать тебе, что знаю Килана давно. Ну, года три точно. И я никогда не видел у него постоянной спутницы. Но я знаю, как он ведет себя с девушками, какие методы использует, чтобы завоевать избранницу, но на самом деле, Ева, он никого не любит. Он просто хороший актер. Ты не подумай, – наигранно спохватился Вис, – я не считаю его плохим другом, мы с ним прекрасно ладим, и на него всегда можно положиться. Но в отношении женщин он слишком... поверхностный. Понимаешь?

– Висмут, иди-ка ты отсюда... – прошипела Ева.

– Нет, подожди, дай мне сказать, – осмелел кок. Раз уж он начал эту игру, то надо продолжать. – Решение все равно принимать тебе. Ведь капитан ничего тебе не расскажет, они с Шутом давние друзья и будут прикрывать друг друга. Это нормально. Но я не хочу, чтобы именно ты стала его очередной игрушкой. Ты молодая, красивая и... такая наивная! Лакомый кусочек для такого взрослого мужчины, как он. Что он, что Раснария – опытные соблазнитель!

– У меня такое чувство, что ты говоришь о ком-то другом, – вспыхнула Ева. – Тот Килан, которого знаю я, совершенно не такой!

– О, милая, да ты просто еще ни разу не обжигалась! – Висмут разнервничался и стал сильно жестикулировать. – Он хоть раз сказал тебе, что любит? Нет? По глазам вижу, что нет. И не скажет! А знаешь почему? Потому что он не лжет своим жертвам. Этот лис способен окрутить любую девушку, ничего ей при этом не обещая! Ты сама нафантазировала, ты сама же и попалась, а он лишь возьмет тебя, на все готовую. И когда он наиграется, то найдет себе новую мышку.

– Ты лжешь! – рассердилась Ева. – Ты просто злишься, что я выбрала его, а не тебя. Все, уходи!

– Я, может, и злюсь, но это не отменяет правды, которую я пытаюсь донести до тебя, – Висмут схватил ее за плечи и посмотрел прямо в глаза. – Даже если отбросить его непостоянство, подумай, станет ли любящий человек заставлять тебя делить его с братьями? У каждого из которых есть свои потребности и свои желания, которые могут абсолютно тебе не понравиться. Станет ли любящий человек так издеваться? Ты знаешь, что нет. Он позволяет себе целовать тебя, потому что совершенно не думает о твоих чувствах. Потому что не любит, как не любил ни одну из своих бесчисленных пассий. И ты будешь среди них, если не одумаешься! Для него это всего лишь игра. А для тебя?

– Пошел. Вон. Отсюда, – сквозь зубы процедила Ева, едва сдерживаясь, чтобы не влечь коку пощечину.

Висмут отпустил ее и отошел к двери. Пытаясь унять дрожь в руках, он нажал на ручку и обернулся. Ева не двигалась, глядя куда-то в пустоту. Кок вздохнул и покинул каюту.

Он сказал лишнее. Нет, он сказал неправду. Эта ложь была наглой и горькой. Сейчас Висмут причинил Еве боль, но он был уверен, что когда она избавится от болезненного чувства к златовласому, то сама поймет, как сильно заблуждалась, надеясь на их гармоничный союз. А он подождет. Да, Висмут очень терпеливый и совсем не торопится. Надо просто подождать.

Дарий вернулся сразу же, как только увидел кока ковыряющимся на камбузе. Ева к тому времени немного успокоилась. Она не поверила ни единому слову Висмута. Дарий же ничего не спрашивал, полагая, что, раз Ева не рассказывает ничего сама, значит, разговор был личным.

Ева предпочитала верить словам призрака, ведь они совпадали с ее желаниями и соответствовали ее ощущениям. Разве возможно *так* имитировать чувства?! Целуя ее, Килан настолько нежно прижимал Еву к себе, будто боялся сделать ей больно. Она чувствовала, как стучало его сердце, и слышала, как замирало его дыхание. Она не может ошибаться.

В Сомнус прибыли ночью. Было холодно. В такое время непросто найти экипаж, ведь Сомнус хоть и являлся портом, но не отличался такой же оживленностью, как Бриудж. Ева к тому времени задремала, и Стром решил не будить ее до тех пор, пока они не найдут подходящее средство передвижения. Можно было собрать корабль и с людьми на борту, однако обычно это вызывало у них не самые приятные ощущения. И если Висмут привык к этому, то Ева могла от неожиданности проснуться. Поэтому, оставив ее на корабле с коком, Стром и Шут сошли на берег вдвоем.

Похоже, днем шел снег: крыши домов и ветви елей были укрыты снежными шапками, а на площади люди уже протоптали тропинки.

– Как холодно, – удивился капитан, растирая озябшие ладони. – Давай-ка зайдем в кабак, выпьем да спросим про кучера. Иногда у них есть свои дилижансы, чтобы развозить засидевшихся гуляк.

Килан кивнул. Они спустились в кабак, что находился на цокольном этаже гостиницы. Оттуда доносились смех и музыка, пахло спиртным, а воздух был наполнен табачным дымом.

– Хорошо, что мы оставили Еву на судне, – заметил Шут, осматриваясь, – ей не место в таких заведениях.

– Это точно, – согласился Стром и заказал горячительного.

Оглядываясь в поисках свободного столика, он обратил внимание на человека, сидящего за столом в углу. Фигура мужчины была жилистой, черные волнистые волосы падали на плечи, слегка прикрывая лицо, а на изящной руке красовалось кольцо с крупным черным камнем. Человек был одет во что-то темное – то ли синее, то ли черное – и, попивая чай, читал книгу. Тут же его силуэт исчез в клубах дыма, выдыхаемого гостем, что сидел за соседним столиком.

Стром отвернулся, чтобы рассчитаться с хозяином заведения, и хотел было уже спросить, нельзя ли заказать экипаж, как вдруг услышал знакомый вкрадчивый голос:

– Капитан, ты ли это?

Друзья тут же обернулись. Человек, сидевший в углу, привстал и жестом пригласил их за свой стол.

– Вормак! – выдохнул Шут, подходя ближе.

– И ты здесь, мой трехпалый друг? – заулыбался колдун, отчего на его щеках появились ямочки. – В честь чего маскарад?

Вормак коснулся своего лица, имея в виду маску Шута. Килан молча снял перчатку с правой руки и продемонстрировал рубцы.

– Хм... – отозвался Вормак, – на лице такие же?

– Да, – ответил Шут, надевая перчатку.

Вормак промолчал.

Друзья присели за стол к магу.

– Не ожидал тебя здесь встретить, Вормак, – заметил капитан. – Какими судьбами в Сомнусе?

– Близится Эмпорий, – вежливо улыбнулся Ворон. – Я набираюсь сил в путешествиях, общаясь с простым народом, узнаю об их чаяниях, мечтах, грустях, радостях...

– Иловишь их на магическую удочку? – усмехнулся Стром. – Как вижу, ты не растерял свою хитрость со дня нашей первой встречи.

– Они сами ловятся, капитан, – мягко ответил Вормак, – я никого не заставляю. Кроме того, я умею слушать и предлагаю реальную помощь. А что еще людям надо? Чтобы выслушали и решили их проблемы.

Вормак по-детски улыбнулся и снова отхлебнул из чашки. Выглядел колдун беззлобно, и его весьма симпатичное открытое лицо с извечными озорными огоньками в голубых глазах и улыбкой шаловливого ребенка вызывало у людей доверие. Колдуну было не больше тридцати, но выглядел он куда более юным. При своем уме и безупречных манерах, заложенных в него учителем, Вормак обладал каким-то особенным, будто бы наивным очарованием, которое однажды и сбило с толку Строма. Посчитав колдуна молодым и глупым, он, вопреки предубеждениям, смухлевал, проиграв в итоге собственную семью.

– А ты готовишься к Эмпорию? – поинтересовался Вормак, сложив руки на столе.

– А я уже готов, – ответил Стром. – Мы оба готовы.

– О как! – Вормак расплылся в довольной улыбке. – Тогда чего же мы ждем?

– Хочешь сыграть прямо сейчас? – прищурился Шут.

– Покажите, что у вас для меня, а я подумую.

– Для этого нужно выйти на улицу, – ответил капитан, – пойдём?

– Ну, пойдём, – довольно прошелестел маг, потянувшись за плащом.

– Он тебе не понадобится, – усмехнулся Стром, – можешь не одеваться.

Он встал и направился к выходу. Заинтригованный колдун последовал за ним. Высокий и стройный, Вормак был одет в атласную приталенную иссиня-черную блузу и такого же цвета брюки с множеством карманов с блестящими заклепками и ремешками. Наверное, он прятал в них выигранные артефакты, которые потом использовал в качестве источника энергии. Вормак мог извлекать магию буквально из воздуха, но это требовало больше усилий и времени, чем вытягивание ее из наделенного магией предмета.

На улице друзья достали блюдце в виде компаса и камни. Собрав всю конструкцию, они продемонстрировали колдуну силу артефакта.

– Камни Лагриана! – охнул он, глядя на луч, уходящий в небо и разогнавший тучи. – Где вы их достали?! Я думал, это легенда.

– Где достали, Вормак, там уже нет, – ответил Стром. – Чувствуешь, как теплеет?

Измученный колдун кивнул. Погода и правда резко изменилась, ветер стал теплым, а снег на площади начал подтаивать.

– Это очень мощная магия, – вслух подумал Вормак. – Ни один маг не может управлять стихиями. Лишь в отдельных случаях группа колдунов может работать с одной из них. Но сразу со всеми?! И всего лишь один человек, что имеет эти камни! Ты по-настоящему удивил меня, капитан!

Вормак был восхищен. Магия всегда имела последствия. Ни один маг не желал вмешиваться в силы природы. Максимум, что колдуны могли сделать, – это вызвать ливень ненадолго или слегка изменить температуру воздуха, но лишь на небольшом участке. Объединив силы, несколько магов могли устроить ураган или шторм, но эффект всегда был недолговечным, а сил при этом тратилось очень много. Магия высвобождалась и рассеивалась по миру, чтобы мастера вновь собрали ее по крупицам и заключили во что-то осязаемое – в артефакты, заряженные энергией.

Камни Лагриана же, по мнению Вормака, обладали особой, божественной природой. Он не припоминал ни одного мага, способного создать артефакт такой мощи. Артефакт, которым можно пользоваться, не опасаясь опустошить внутренний магический резерв.

– Давай играть прямо сейчас! – голубые глаза мага блестели от нетерпения.

– У нас условие, – капитан убрал камни в сумку и перешел на деловой тон. – Блюдце принадлежит Шуту, а самоцветы – мне. Тебе придется сыграть с нами обоими, чтобы заполнить весь набор.

Вормак, размышляя, склонил голову на бок и прищурился.

– Ну-у-у... твоё желание мне известно, капитан, – Ворон перевел взгляд на Килана. – А чего хочешь ты, златовласый? Может, избавиться от шрамов на лице и руках?

– Мое желание осталось прежним, – серьёзно ответил Шут. – С тех пор, как ты оттяпал мне пальцы, оно не изменилось. Я уверен, ты помнишь, чего я хотел.

Вормак поежился: то ли от вернувшегося холода, то ли от воспоминаний.

– Да, да... конечно, помню. Ты хочешь разделить с братьями.

Шут кивнул.

Вормак казался задумчивым. Прежде ни Стром, ни Килан его таким не видели. Обычно он легко соглашался на игру и за менее интересные артефакты, а тут... сомневается?

– Хорошо! – нарушил он молчание. – Тогда сначала играет златовласый.

Они вернулись в кабак и снова заняли стол в углу. Шут, еще не успевший пригубить виски, так и не притронулся к стакану, решив сохранить ясность ума. Внутренним диалогом он вызвал Раснара, и тот приготовился сражаться за их общее дело.

– Какую игру ты предпочитаешь в этот раз? – сверкнул глазами Вормак.

– Шахматы, – ответил Раснария, выпрямившись.

– Ого! – удивился маг и извлек из воздуха большое черно-белое игровое поле, которое мягко опустилось на стол между соперниками. Взмах руки – и на поле появились фигуры из бледно-голубого агата и синего авантюрина.

Стром сел рядом и закурил.

Вормак взял в руки голубую и синюю пешки, перемешал их под столом и, вытянув вперед кулаки, вопросительно приподнял бровь. Раснария взглядом указал на левую руку, и маг разжал ладонь: на ней блестела авантюриновая пешка.

– Игра началась, – объявил Вормак и, развернув доску бледно-голубыми фигурами к себе, сделал первый ход, – да победит сильнейший!

Раснария сделал ход в ответ. В кабаке задорно играла скрипка, смеялись подвыпившие гости, но соперники ничего вокруг не видели и не слышали, сосредоточив все свое внимание на доске.

Обычно во время игры Вормак непринужденно беседовал с оппонентом, но сегодня предпочитал молчать. Похоже, он очень хотел заполучить камни и бросил все свои силы на борьбу. Если в картах победа зачастую зависела от везения и умения блефовать, то партию в шахматы выигрывал наилучший стратег. Вормак отлично играл в шахматы, но тот факт, что трехглавый в этот раз выбрал игру королей вместо обычного дурака, его насторожил. В карты трехпалый играл хорошо, и в прошлый раз Ворон ему едва не продул, так чего же ждать от братьев сейчас?

Раснария делал ходы уверенно, но не торопясь, внимательно проверяя положение агатовых фигур на доске и оценивая угрозу. Шут в этот момент не дремал, а молча наблюдал за происходящим. Впервые в жизни он так переживал за старшего брата, ведь от него зависела судьба четверых людей: самих братьев и Евы, о союзе с которой Шут мечтал больше, чем о собственном теле.

С доски полетели первые авантюриновые пешки, а за ними и офицер.

– Меньше фигур – легче играть, – улыбнулся Вормак.

Однако спустя три хода его настроение резко ухудшилось: кони Раснарии нагло гарцевали на поле врага. Маг нахмурился и предусмотрительно подвинул ладью, освободив лазейку для короля. Раснар оценил ситуацию и начал подтягивать к коням другие фигуры.

Вормак не торопился, решив обдумать все возможные ходы и их последствия. Внезапно он задержал дыхание и, прикрыв глаза, коснулся пальцами виска.

– Ты что там такое делаешь? – прищурился Шут. – Честно играй, никакой магии!

– Успокойся, – почти шепотом ответил маг, – иногда меня мучают нечеловеческие мигрени. Вот и сейчас тоже.

– Неужто самый прославленный маг Сенталии неспособен справиться с головной болью? – недоверчиво спросил Шут.

Вормак промолчал. Эти мигрени мучили его все чаще и преимущественно во время игр с теми, кому он ни при каких обстоятельствах не хотел проиграть. Боли сопровождались ощущением холода в голове: казалось, еще чуть-чуть – и мозг превратится в ледышку. Маг неоднократно пытался разобраться с причиной, но, несмотря на его уровень владения магией, до сих пор не сумел с ними справиться.

Он сжал зубы и, сделав усилие над собой, вновь посмотрел на доску. Очевидно, что надо выводить королеву, стоящую без дела на своем месте. Вормак сглупил, не сделав этого раньше. Он взялся за агатовую фигуру и подвинул ее на середину доски, угрожая ладье соперника с безопасной позиции.

Раснара угроза ничуть не смутила, и он продолжил наступление с помощью оставшегося офицера. Вормак срубил синюю ладью, поставив на ее место свою королеву. Мигрень нарастала. От боли можно было сойти с ума, однако проигрывать маг начал еще до ее появления – Раснария превосходно играл в шахматы.

Нужно собраться. Нужно победить. Вормак нервничал. Пытаясь унять боль, он попробовал снизить чувствительность тела, и на время ему стало легче.

– Ты что-то бледный, – заметил Шут. – Совсем плохо стало?

Несмотря на сильнейшее желание выиграть, а также старую обиду на мага, Киран не мог не проявлять сочувствия.

– Можем позже доиграть, – продолжал он, глядя на схватившегося за голову Вормака.

– Не можем! – шикнул на него Раснария. – Твой ход, Ворон!

Вормак отнял ладонь ото лба и осмотрел поле. Нельзя проигрывать! Ни в коем случае! Что же делать? Маг знал, что, если перенести игру на другой день и время, это ему не поможет. Мигрени сопровождали его всякий раз, когда на кону стояло что-то очень серьезное и важное. Вормак понимал, что, даже если он договорится с рыжим доиграть эту партию позже, мигрень вернется. И почему он не разобрался с этим до сих пор?! Боль мешала думать, однако не отменяла того, что в этот раз ему попался действительно сильный противник.

Вормак напряг разум и усилием воли смог полностью отключить чувствительность тела. Боль исчезла, но вместе с ней пропали обоняние, осязание и вкус. Остались лишь слух и зрение. Маг обрадовался и сделал смелый ход, теперь угрожая не ладье, а авантюриновому королю. Однако Раснария только этого и ждал: сделав ход офицером, он одновременно лишил соперника королевы и поставил его короля в неловкое положение. Вормак вздохнул и покачал головой, закрывая короля пешкой. Это не помогло, потому что Раснария напал снова, но уже конем. Вормак увел короля в окошко с краю, где в следующий же ход попал под шах от вражеской ладьи. Раснария не ликовал. Он никогда не радовался раньше времени, лишь хмуро делал новые ходы, методично загоня агатового короля в тупик.

– Мат! – объявил он, поставив королеву прямо перед носом венценосной фигуры Вормака.

Маг закрыл глаза и потер брови. Вид у него был серьезный. Исчезли детское озорство и милая улыбка. Он поднял взгляд на братьев. В голубых глазах отражался не то страх, не то смятение, но хитрых искорок и след простыл.

– Чего молчишь, Ворон? – Раснар откинулся на спинку стула и окинул мага ликующим взглядом. – Я победил тебя.

– Победил, – кивнул Вормак, глядя на оппонента исподлобья.

– Выполняй желание, – потребовал Раснар.

Наконец-то он избавится от братьев! Наконец-то станет свободен. Вместе с ним, нетерпеливо стуча пальцами по столешнице, радовался Шут: он был готов расцеловать брата за победу. И он непременно сделает это, как только Вормак их разделит. Выскочка заслужил благодар-

ность. Несмотря на их вечные разногласия, сейчас Шут был счастлив, что объединился с братом.

Стром, ставший свидетелем разгрома Вормака, очень обрадовался и, встав из-за стола, принялся расхаживать рядом.

– Мне жаль, – Вормак развел руками, – но я не могу сделать этого.

– Что? – Раснария не поверил своим ушам.

– Я блефовал. Прости, но я не в силах разделить вас...

Раснария сжал руки в кулаки.

– Ты что, издеваешься? – рыкнул он.

– Мне жаль, но нет. Я блефовал оба раза, – Вормак покачал головой, – только в прошлый смог выиграть. Теперь же нет.

Раснар расвирепел. Одним движением он перевернул стол вместе с шахматами и, схватив мага за грудки, прижал к стене, занеся над его лицом кулак.

– Я разберусь с ним, – вмешался Шут, сменяя брата. Когда Раснария злился, то терял голову и рисковал нажить проблемы.

– Делай что обещал, – сквозь зубы процедил Килан, глядя в глаза Вормаку, – и не вздумай обращаться вороном. У меня есть управа на тебя, маг, поверь. Не смей меня обманывать.

Маг не выглядел испуганным, но и не сопротивлялся.

– Я был неправ, трехглавый, признаю. Но, пойми, вас никто не сможет разделить. Никогда. Прости. Такого способа не существует.

– А как же твои принципы честной игры?! – вмешался Стром.

– Играл-то я честно, – растерянно ответил маг, – но желание братьев мне не по силам...

– Зачем тогда сказал, что можешь разделить нас?! – злился Шут. Он был готов убить мага, но не трогал его, понимая, что тот еще нужен Строму.

– Был уверен, что выиграю, – признался Вормак. – Но я не уйду просто так, я заглажу свою вину: теперь я ваш пожизненный должник. Любое чудо для братьев, если оно мне по силам, будет исполнено. До конца жизни любая ваша просьба будет выполнена. Клянусь.

Вормак мог отбиться от рассерженных братьев с помощью магии в любой момент, но не делал этого. Он всегда выполнял свои обязательства, но разделить братьев и в самом деле оказался не в силах. Еще во время игры он тысячу раз пожалел, что решил на эту авантюру. Теперь ему пришлось сделать самое щедрое предложение, какое он никогда никому не делал – пожизненный долг. Кто угодно обрадовался бы этому, но не братья. Единственная цель, за которую они все эти годы боролись, оказалась недостижима.

– Будь ты проклят, Вормак, – ответил Килан и, оттолкнув мага, бессильно опустился на стул, обхватив голову руками.

Все пропало. Он был готов бороться за свою любовь, за счастье с любимой девушкой, но все усилия оказались бесполезными. И к тому же она теперь ждет от него следующего шага. Шуту хотелось раствориться, пропасть, исчезнуть, лишь бы не осознавать собственную ущербность и беспомощность. За что только Создатель так наказал его? И Раснара с Сомбером? Почему все люди нормальные, а они – уроды, вынужденные жить в одном теле, без права на личное счастье.

Ненависть к себе, к Вормаку, к Создателю и ко всему миру заклокотала в груди обжигающим пламенем. В глазах потемнело, а в горле пересохло.

Едва сдерживая ярость, Шут взглянул на мага. Тот оставался там же, где его чуть не убил Раснария, и смущенно поправлял помятую одежду.

– Раз уж ты мой должник, – хрипло сказал Шут, – выполни первое мое желание.

– Какое? – хмуро спросил Вормак.

– Шляпу Строма зачаруй так, чтобы он мог попасть к своей семье и вообще куда угодно.

– Но это желание касается не тебя... – возразил Вормак. – Оно не может касаться других людей. Я твой должник, а не его.

– Ты препираться будешь со мной? – сощурился Шут. – Игры не будет. Камни останутся у капитана. И шляпа тоже, но ты зачаруешь ее так, чтобы барьер пропал. Ты понял?!

Вормак вздохнул. Кто ж знал, что игра на лагрианские камни обернется такими проблемами.

– Хорошо, златовласый, будь по-твоему. В виде исключения я выполню такое желание, но только потому, что я действительно виноват перед тобой, – сказал он и повернулся к капитану: – Увы, прямо сейчас у меня нет такого запаса магии. Я подберу подходящие вещицы и исправлю шляпу, обещаю. Встретимся на Эмпории.

С этими словами Вормак изобразил полупоклон, щелкнул пальцами и, превратившись в птицу, покинул кабак.

Глава 2. Капкан

Ева проснулась и вышла из своей каюты. Дария рядом не было. Он старался не мешать, когда она спала, и часто проводил это время на палубе.

Закутавшись в плащ, Ева поднялась на палубу. Корабль стоял у причала.

– Мы что, прибыли? – спросила она встретившего ее призрака.

– Да, – ответил Дарий. – Шут и Стром ушли искать дилижанс, но пока не вернулись.

– Пойдем за ними, – решительно сказала Ева.

– Подожди Висмута, – предложил призрак. – Он поможет тебе сойти на берег.

– Вот кого я точно не хочу ждать, так это его! – резко ответила Ева.

Но Висмут уже услышал ее голос и поднялся к ней.

– Они ушли пару часов назад, – сказал он. – Видимо, до сих пор не нашли экипаж.

– Оставаться здесь я не хочу, – сказала Ева, – так что пойду за ними. Они все равно не могли уйти далеко и сейчас где-то на площади.

Она решительно направилась к трапу.

– Я не пушу тебя одну! – Висмут догнал ее.

– А мне не нужно твое разрешение, – холодно ответила Ева. – Кроме того, я буду не одна: со мной Дарий.

Кок обогнал ее, спустил трап и подал руку.

– Давай, – сказал он, – чтобы снова не свалилась в воду. Ты же не хочешь промокнуть в такой холод?

Ева замешкалась. После того разговора она не хотела иметь с Висмутом ничего общего, но и упасть в воду, как в прошлый раз, тоже опасалась, тем более что трап сильно шатался.

Она взялась за руку Висмута и с его помощью сошла с корабля.

– Дальше я сама, – бросила она и заторопилась к берегу.

Висмут не ответил, но последовал за Евой, держась на расстоянии. Он не мог отпустить ее одну, даже если рядом с ней незримо присутствует призрак. Ева злится на него, и это понятно, но Висмут не думал сдаваться: нужно всего лишь дождаться, когда Шут ее разочарует, и быть рядом, чтобы вовремя поддержать.

Выйдя на площадь, Ева осмотрелась.

– Видишь их где-нибудь? – спросила она Дария.

– Вижу капитана, – он указал на человека, курящего неподалеку от кабака. Его освещала лампа, которая висела над входом.

Ева тоже его увидела и направилась к нему.

– Стром!

Капитан повернулся и двинулся ей навстречу. Вид у него был серьезный.

– Где Килан? – спросила она, подойдя.

– В кабаке.

– Что он там делает без тебя?

Стром кашлянул.

– Мы случайно встретили Вормака. В общем... Шут сыграл с ним. Долгая история, но пока он не хочет никого видеть. Поэтому я здесь.

Ева охнула. Она знала, что Килан давно хотел сыграть с магом, но не предполагала, что он был готов сделать это уже на грядущем Эмпории, а тем более до него. Все знали, что камни лагрианцев принадлежали Строму. Что же тогда мог проиграть Шут? Наверное, у него было в запасе что-то, о чем она не знала.

– Я пойду к нему, – сказала Ева и решительно направилась в питейное заведение.

– Ева! – окликнул ее Стром, но она уже зашла внутрь. Догонять он не стал. Покачив головой, капитан прислонился к стене и продолжил задумчиво курить.

Ева спустилась в кабак и какое-то время не могла толком ничего разглядеть: в помещении было сильно накурено. Она остановилась, пытаясь глазами найти друга. Шут сидел спиной к ней в углу за столиком, подперев голову рукой. Ева поспешила к нему. Надо его поддержать, она должна быть рядом, когда он расстроен.

Приблизившись к Килану, Ева какое-то время не решалась ничего делать, но потом набралась храбрости и опустила руку на его плечо. Он медленно повернулся. Ева заметила на столе стакан виски.

– Килан, – она взяла его за правую руку и, пододвинув стул, села рядом, – мне так жаль! Но не расстраивайся, пожалуйста! Мы найдем еще что-нибудь! Обязательно!

От ее прикосновения неожиданно кольнуло в груди. Какая же она красивая, добрая, милая, внимательная! Немного еще сонная и оттого трогательная. Взгляд Килана скользнул по лицу Евы, задержавшись на прелестной родинке на ее щеке. Ева, преодолевая смущение и стыд после их поцелуя, все же пришла поддержать его и утешить. Такая родная, такая близкая. Хорошо, что он до сих пор не прикасался к виски, иначе, расчувствовавшись, заключил бы Еву в объятия и все без утайки ей рассказал. Или как дурак зарыдал бы на ее плече, распустив нюни от отчаяния.

– Да я сама с ним сыграю! – продолжала Ева, перебирая руками одетые в перчатки пальцы Шута. – У меня же есть дар! Он может ему пригодиться. Мы обязательно придумаем, как уговорить его помочь вам!

Вот оно что: она еще ничего не знает. Стром не сказал, что их проклятье нельзя снять. Она думает, братья всего лишь проиграли Вормаку.

– Килан, ну что ты молчишь?.. – расстроилась Ева. – Это всего лишь игра.

Надо что-то делать. Шут с трудом отвел глаза от возлюбленной и, вперившись взглядом в стакан, вырвал свою руку из ее ладоней.

– А с чего ты взяла, что я так уж расстроен? – прохладно спросил он. – Я просто хочу немного выпить да развлечься.

– Развлечься? – растерялась Ева. – А я могу составить тебе компанию?

Шут улыбнулся и, повернувшись к Еве, взглянул ей в глаза.

– Ты? – усмехнулся он. – Нет, ты не можешь.

– Я тебя не понимаю.

– Неужели ты решила, что между нами что-то есть? – он насмешливо приподнял брови. – Видимо, нам стоило поговорить об этом раньше. Извини за то, что случилось в каюте. Я просто соскучился по женской ласке, и... ты была так близко, я не удержался.

Ева недоверчиво хмурилась.

– Ты шутишь.

– Все нет. Прости, но ты слишком юная и к тому же не в моем вкусе, – сообщил Шут и вцепился руками в стакан, чтобы унять дрожь. – Я и подумать не мог, что для тебя это будет так важно. Что ты так серьезно воспримешь тот поцелуй.

Верит ли она ему? Шут не понимал. Ева продолжала изумленно молчать. Что же сделать, чтобы разбить ей сердце окончательно и бесповоротно?

– Надеюсь, мы все выяснили, – нарочито небрежно добавил Шут и, вытащив из кармана несколько монет, протянул их Еве. – Будешь уходить, передай-ка их во-о-о-он той дамочке у бара, – он кивнул в сторону блондинки, ожидающей клиентов. – Сразу мне приглянулась. Я планирую как следует отдохнуть с дороги.

Внутри Евы все оборвалось. Казалось, сердце от боли вспыхнуло и тут же обуглилось, рухнув на грязный пол таверны, прямо под ноги Шуту. Он взял руки Евы и, вложив в них монеты, широко улыбнулся, еще раз указав подбородком на блондинку у бара.

Ноги стали ватными и как будто чужими, в висках застучала кровь. Ева смотрела на монеты в своих руках и не могла поверить в то, что услышала. Шут вальяжно откинулся на спинку стула и, закинув ногу на ногу, наблюдал за вышеназванной блондинкой.

Ева высыпала монеты на стол и, развернувшись, побрела прочь. В ушах звенели слова Шута: «Неужели ты решила, что между нами что-то есть? Я и подумать не мог, что для тебя это будет так важно».

Киран проводил ее взглядом. Как же больно! Еще непонятно, кому он сделал большее: ей или самому себе. Этого она ему точно не простит. По крайней мере, он на это надеется. Лучше бы ей разлюбить его окончательно и бесповоротно. Висмут прав: Шут – калека и не имеет ни малейшего права обречь Еву на пожизненные мучения с ним. Проклятый Вормак! Если бы не надежда на разделение, подаренная им несколько лет назад, Шут не усложнял бы отношения с Евой и не поддавался желанию сблизиться с ней.

В одночасье рассыпались прахом все его надежды. Он никогда не сможет иметь собственное тело и жить как полноценный человек. Никогда не будет с любимой женщиной, а еще, возможно, никогда ее больше не увидит. Вряд ли она захочет общаться с ним или с его братьями после того, что он сделал. Пытаясь заглушить боль, разрастающуюся в груди ядовитым плющом, Шут одним махом осушил стакан.

Хозяин кабака, увидев на столе клиента монеты, расценил это как заказ и принес посетителю целую бутылку виски с закусками. Что ж, очень кстати. Киран открыл бутылку и плеснул янтарную жидкость в стакан, после чего выпил его содержимое до дна и наполнил снова.

В таверну ворвался Висмут.

– Ты чего натворил?! – вскинулся он.

– Избавил тебя от конкурента, – безрадостно ответил Шут, – разве ты не рад? Ты ж как стервятник, Висмут, только и ждал этого, я знаю. И вот: она разочарована, расстроена и раздавлена, а ты здесь? Со мной? Я тебя не понимаю. Иди обратно, шакал. Утешь девушку. И не говори мне, что не ждал этого момента.

Висмут ошалело попятился, как вдруг Шут схватил его за запястье и, глядя в глаза, добавил:

– Позаботься о ней, Висмут. Скажи капитану, что дальше с вами я не поеду.

Кок удивленно кивнул и поспешил на выход.

– Очень жестоко, – заметил Сомбер.

– Да, тут даже я удивился, – подключился Раснария. – Готов аплодировать тебе стоя, но это будет странно выглядеть.

Как только алкоголь подействовал, Шут потерял контроль над братьями, и они начали вести общение мысленно.

– Может, не стоило рубить с плеча, брат? – сочувствовал Сомбер.

– А ты видишь иной выход?

– Да! Например, объяснить ей все. Вместе найти другой способ. Она ведь предлагала помощь.

– Нет других способов, Сомбер!

– Ты прекрасно знаешь, что есть, – возразил тот.

И способ действительно был. Тот самый, о котором двадцать лет назад Шуту рассказал некромант. Тогда, будучи четырнадцатилетним подростком, Килан не на шутку испугался предложенного решения и после встречи с Вормаком искренне надеялся, что они с братьями смогут обойтись и без темной магии. Однако маг обманул их, и надежда на нормальную жизнь теперь обратилась пеплом. Нет способа стать полноценным хозяином тела без убийства, подселения братьев к другим людям или же заточения их в камне.

– Это не способ, – ответил Шут, – это преступление.

– Но сам посуди, – продолжал Сомбер, – разве это жизнь? Лично я устал делить тело с тобой и Раснаром. Я вижу, как вы с Евой любите друг друга, но сам никогда не чувствовал ничего подобного. Оставаясь в теле вместе, мы и мучаемся вместе. Я готов оставить его добровольно, завершив такую жизнь. Так для всех было бы лучше.

– А я не готов! – возразил Раснария. – Мне нравится жить. Только вы оба мешаете. Так что я ради любовных дел Шута не готов принести себя в жертву.

– Никому и не придется приносить себя в жертву, – мрачно заключил Шут. – Мы все остаемся.

Ева еще не знала, что была единственным магом, способным освободить тело возлюбленного от соседей, но Килан не собирался ей об этом рассказывать. Открыв ей правду о своих чувствах, он получит ее безоговорочное участие в своей судьбе. Рано или поздно она узнает, что обладает особой властью, какой нет ни у одного колдуна, даже у такого мастера, как Вормак. Удержится ли она от соблазна воспользоваться даром ради личной цели? Шут, боясь толкнуть Еву на темную дорожку, старательно оберегал ее от этого и предпочитал молчать. Даже ценой собственного счастья. Перед глазами вновь возникло воспоминание об умирающем некроманте. В доме, где его нашел Шут, Ландегор разлагался заживо. Страшно представить, что он при этом чувствовал. Желал ли Шут такой же смерти возлюбленной? Однозначно нет.

– Думаю, стоило сказать ей правду, – настаивал Сомбер.

– Смеешься? – изумился Раснария. – Меня удивляет твоя наивность, Сомбер. Она примет его любым, это всем ясно. Так что я впервые согласен с клоуном, – Раснар обратился к Шуту: – Отлично паясничал, думаю, она поверила! Снимаю шляпу перед твоим талантом.

– Есть ли в тебе хоть капля сочувствия, Раснар? – совестил его Сомбер. – Брату и так плохо.

– А я сочувствую. И ему, и тебе. И себе. Всем нам сочувствую. Трудно представить, что за извращенный разум создал нас такими, а главное – зачем? За что?! У Создателя, должно быть, неподражаемое чувство юмора...

Чем дольше Шут жил, тем чаще задавал себе те же самые вопросы, но ответов на них до сих пор не нашел. Остаток ночи он молчал, опустошая принесенную ему бутылку. Братья же иногда переговаривались между собой, чтобы не уснуть и удержаться от падения под стол, когда Шут потеряет над собой всякую власть. В какой-то момент он все-таки отключился, и Раснария, взяв управление телом на себя, одним лишь усилием воли поднялся со стула, чтобы

дойти до бара. Там он оплатил номер и, с трудом добравшись до кровати, пролежал на ней в беспомощности несколько часов.

Ева не помнила, как преодолела ступеньки и вышла на улицу. Она стыдилась своей боли и старалась не показывать чувств, спрятав лицо под капюшоном. Наверху ее встретили Висмут, Стром и Дарий. Увидев девушку без Шута, капитан нахмурился. Он полагал, что, как только с рыжим поговорит Ева, тот непременно возьмет себя в руки и отправится в путь вместе со всеми.

– Я нашел экипаж, – сказал Стром. – Нам пора ехать.

– Поехали, – сдавленно ответила Ева.

– А Шут? Он что, остается?

– Он?.. – голос Евы задрожал. – Остается! Он ведь очень устал с дороги, Стром! У него там есть кое-какие дела: недопитый виски и скучающая жрица любви! – Ева всхлипнула, ее трясло. – Это очень... важно, понимаешь?!

Стром опешил. Что же там случилось? О чем она говорит? Он взял Еву за запястье и, повернув к себе, стянул с ее головы капюшон. Она торопливо прикрыла лицо рукой, но капитан успел заметить слезы на ее щеках.

– Ох, девочка! – воскликнул капитан и прижал ее к своей груди.

Похоже, Шут решил вырезать ее чувства под самый корень и наговорил что-то очень неприятное. Зная его истинное к ней отношение, Стром с трудом представлял, каких нечеловеческих усилий стоило другу так поступить с любимой девушкой.

Ева уткнулась в грудь капитана лицом и, вцепившись руками в его одежду, горько заплакала. Пока она сдавленно подвывала, он тихонько гладил ее по волосам и печально качал головой.

Висмут, не выдержав, рванул в кабак. Дарий, растерянно наблюдавший со стороны, очень хотел утешить Еву, но боялся прикоснуться к ней на улице, а слова сейчас были бы излишни.

– Поехали, милая, – ласково произнес Стром и повел Еву к экипажу. – Дома заварим с тобой чай, поедим пирога... Висмут успел прикупить, пока я договаривался с кучером. А потом попиши. Пойдем.

– Не хочу домой, – всхлипывая, ответила Ева, – хочу к Мориусу.

– К лорду? – удивился капитан. – Почему к нему? Он упоминал, что ремонт у тебя уже вот-вот закончится. Думаю, пока мы путешествовали, Мо успел там привести все в порядок. И потом, – добавил Стром, – поздно очень, девочка. Лучше мы к нему с утра наведемся.

– Я хочу заснуть, – Ева тяжело вздохнула. От рыданий дыхание перехватывало, и набирать воздух в легкие стало сложнее. – У него есть снотворное. Просто давай поедим к нему. Пожалуйста. Он поймет.

Капитан вздохнул. Посадив Еву в экипаж, он жестом поторопил Висмута, вышедшего из кабака. Тот поспешил и спустя несколько секунд уже сидел рядом с Евой. Она привалилась к стене и невидящим взглядом смотрела в окно. Висмут осторожно тронул ее за плечо, рассчитывая, что теперь-то она позволит ему себя утешить, но Ева мягко высвободилась и даже не взглянула в его сторону.

Дарий, безмолвно следующий за Евой, сел напротив и ободряюще взял ее руку в свои бледные ладони. Теперь, когда их скрывали стены и крыша экипажа, он мог прикоснуться к Еве, не опасаясь быть замеченным случайными прохожими. Призрак, пожалуй, был единственным среди присутствующих, кто лучше других понимал, что она сейчас чувствует. Ева сжала его руку в ответ. Висмут, видя это, чуть не закричал зубами от возмущения: эта девушка принимает чью угодно поддержку, но только не его. Ну почему?! Разве Шут не подтвердил сказанные Висмутом слова? Разве Висмут не оказался прав? Теперь, когда Шут лишился своих преимуществ, добровольно прекратив борьбу, как рассчитывал на благосклонность Евы, однако

неожиданно для него ситуация из напряженной превратилась в патовую. Едва Висмут почувствовал себя королем игры, имеющим право на любой ход, как вдруг понял, что у него нет ни единой возможности этими ходами воспользоваться.

Ева всегда считала любовь глупостью. С тех самых пор, когда еще в юности была отвергнута и осмеяна объектом своего внимания. Она опасалась этого странного чувства, которое вызывает необъяснимое волнение в груди и заставляет человека вести себя неадекватно, делая из нормального – безумца. Сторонилась его даже в тот самый миг, когда впервые испытала смущение от прикосновений Шута к ее рукам, когда он учил ее стрелять. «Какая глупость!» – фыркала она про себя, пытаясь унять мурашки, бежавшие по спине. Но теперь из-за этой глупости была не в силах совладать с собой и сдержать слезы. В какой-то момент они закончились, и наступил ступор. Платок, что ей дал Стром, к тому времени промок насквозь. Дарий отпустил руки Евы и вновь стал невидимым для ее спутников. Шерл, прятаясь у Евы за пазухой, почувствовал настроение хозяйки и, забравшись к ней на ладони, безвольно лежащие на коленях, обнял ее тонкое запястье длинным хвостом. Причал остался позади, и экипаж не торопясь двигался по заснеженному холмистому городу.

Усадьба Мориуса находилась на отшибе. И совсем в другом направлении, гораздо ближе к пристани, располагался дом Евы. Если бы друзья решили направиться в дом на холме, то непременно встретили бы там Мориуса. В этот самый момент лорд кипятил чайник в очаге и разбирал коробку с вещами, что еще пару часов назад мирно лежали на своих местах в восьмигранной усадьбе.

С утра он собирался навестить губернатора и некоторых своих пациентов, чтобы оставить им рекомендации. Мориус искал нужные рецепты, с помощью которых больные смогут сами готовить себе свежие отвары и настойки.

Сразу после пожара в доме Евы лорд нанял оформителя, и тот, надо сказать, очень постарался. Не зная, как выглядела пострадавшая часть дома до происшествия, он оформил холл и прилегающие к нему помещения в теплых тонах. Камин теперь был обрамлен мрамором кофейного оттенка, деревянную мебель подобрали в тон камню, а стены выкрасили в оливковый. Занавески цвета слоновой кости отлично сочетались с большим круглым столом такого же цвета и светлой мягкой мебелью. Зайдя принимать работу, лорд не сразу узнал жилище Евы. Однако больше всего его изумил старинный рояль, который теперь стоял в углу просторного холла. На немой вопрос заказчика оформитель всплеснул руками. «Я его буквально спас! – причитал он. – Прежнему хозяину он оказался совершенно не нужен, а я такую красоту выбросить не могу! Кроме того, он прекрасно вписался в интерьер!»

А рояль действительно был красивым: инструмент темного цвета с резными львиными головами из светлого дерева на корпусе и ножками в виде львиных лап. Эффектно, но... для чего Еве рояль? Это была первая мысль, пришедшая в голову Мориусу, однако инструмент так органично вписался в угол у стены, в которую когда-то был вмурован портрет Дария, что лорд в итоге не стал возражать. На всякий случай он вызвал настройщика, и тот постарался придать старинному инструменту максимально точное звучание.

Чай был готов, и лорд, отхлебнув из чашки, решил перед сном полистать тетрадь Электы. Ему нравилось рассматривать небольшие зарисовки, что были там, читать ее любимые стихи, удивляться заметкам. «Закатное солнце выглядит более мудрым», – писала она. «Книга – это семечка. Попадая в мозг читателя, она прорастает в нем большим деревом и опадает в его душе спелыми плодами, и для каждого – разными». Подобных заметок у Электы было много. Очевидно, это были ее собственные наблюдения, потому что автора под ними она не указала. Мориус изучил эту тетрадь вдоль и поперек, за исключением нескольких последних страниц, где она описывала что-то очень личное. За прошедшие годы лорд так и не осмелился прочесть эти строки, считая, что, сделав это, оскорбит память о возлюбленной. А к памяти о ней лорд относился более чем трепетно, к тому же был хорошо воспитан и знал, что читать чужие письма

и дневники – недопустимо. Возможно, было бы лучше вырвать эти страницы и сжечь, но рука не поднималась совершить такое кощунство, и Мориус просто не читал то, что предназначалось не ему.

Лорд вытащил из коробки свои дневники, документы и бархатный фиолетовый мешочек с камнями, которые забыла прихватить с собой Ева, но тетради Электы нигде не было. Мориус пересмотрел остальные стопки с бумагами и сумку со своими вещами, однако тетрадь нигде не нашел. Лорд нахмурился и присел за стол, пытаясь вспомнить, куда мог положить столь ценную вещь. Где он был в последние минуты перед отъездом? В фиолетово-зеленой гостевой. Точно! Он положил тетрадь на стол, а сам присел на подоконник, чтобы осмотреть комнату напоследок. Кучер к тому времени уже стоял у ворот и нетерпеливо напоминал о своем прибытии звяканьем колокольчика. Мориус второпях вышел из спальни, забыв тетрадь Электы на столе.

Надо срочно вернуться за ней! В дом могут забраться недоброжелатели. Недопустимо, чтобы столь важная вещь попала в руки к чужому человеку. Лорд подскочил, потушил огонь в камине, задул свечи и, надев плащ, стремительно покинул дом. Спускаясь с холма, он внимательно глядел на мостовую. К счастью, мимо проезжал свободный экипаж. Мориус махнул вознице, и тот остановился, чтобы дожидаться ночного пассажира.

Мадрук аккуратно вскрыл замок и, осмотревшись, проник во двор восьмиугольной усадьбы. Наемник прислушался: было тихо, значит, лорд уже спит. Мадрук проследил за ним днем и заметил, что свою спутницу доктор оставил ночевать в отчем доме, после чего в одиночестве отправился в сторону своего жилища. Решив дождаться ночи, убийца тщательно подготовился, прицепив к поясу с пистолетами и кинжалом несколько метательных ножей, ведь Палома хотел, чтобы все прошло тихо.

К ночи наемник подобрался к владениям лорда уже без помощи похоронщиков и других посредников и отмычкой вскрыл замок в той самой дверце в заборе со стороны леса, через которую он планировал проникнуть к лорду, притворившись трупом.

Двигался Мадрук быстро и бесшумно, точно пантера, и спустя пару минут забрался на террасу, где смог открыть окно, просунув руку в приоткрытую форточку. Хорошо, что начался снегопад: следы, оставленные наемником, припорошит свежими хлопьями.

В доме было еще тише, чем во дворе, лишь тиканье часов нарушало это мрачное спокойствие. Мадрук прислушался и заглянул в кабинет, потом в библиотеку и в банную комнату. Убедившись, что на первом этаже нет ни души, наемник, сливаясь в темноте со стенами, прокрался наверх. Его черная одежда отлично подходила для маскировки в темном доме. Сначала убийца заглянул в фиолетовую гостевую, потом в две остальные, после чего добрался до спальни лорда и озадаченно хмыкнул. Доктора в доме нет. Может быть, это знак? Наемник не хотел браться за эту работу. Лорд – приближенный губернатора, и, кроме того, поговаривали, что он создал какое-то чудесное лекарство. Мадрук давно подумывал покончить с грязной работой и решительно отказался от предложения Паломы, однако этот хитрый жук нарыл на душегуба компромат, угрожая сдать Мадрука властям. Сошлись на том, что наемник прикончит лорда Мориуса, а Палома взамен уничтожит черное досье. Когда-то он был отличным воином и служил в теневых войсках, которые славились скоростью и незаметностью. Когда исчез некромант, терроризирующий Сенталию, необходимость в воинах теневого назначения пропала, и их упразднили, оставив лишь самых молодых. Остальным же пришлось искать себе новое место под солнцем. Кто-то поступил на службу в королевскую гвардию, кто-то полностью сменил род деятельности и завел семью, навсегда оставив военное дело. Мадрук же, волк-одиночка по натуре, стал, пожалуй, лучшим наемным убийцей на материке. Разменяв пятый десяток, он не растерял ловкость, меткость и скорость реакции, но теперь, когда всерьез собрался бросить кровавое ремесло, Палома решил его шантажировать.

Однако лорда в доме нет. Может, не брать грех на душу? Покинуть город ближайшим судном, уехать на Иестелу или на материк четырех государств. Все-таки лорд – доктор. На плаху, конечно, не хочется, но и убивать светило науки ради спасения собственной шкуры он тоже не горит желанием. Размышляя об этом, Мадрук начал спускаться по лестнице, как вдруг замер на месте – дверной замок щелкнул, и в проеме показалась высокая фигура.

Наемник попятился и присел, спрятавшись за балясинами. Лорд стряхнул снег с головы и плаща, нащупал канделябр и торопливо зажег свечи. Увидев распахнутое окно, выходящее на террасу, Мориус не удивился, решив, что забыл закрыть его перед отъездом. Затворив створки и зашторив окно, доктор быстрыми шагами направился к лестнице. Увидев хозяина, Мадрук с грацией кошки поспешил убраться наверх, где застыл, плотно прижавшись к стене. Лорд явно торопился и, взлетев по лестнице, юркнул в единственную богато обставленную комнату. Наемник воспользовался моментом и, решив все же сохранить жизнь гениальному лекарю, решительно повернул к лестнице. Преодолев ступени, он замешкался. Как покинуть дом? Окно лорд закрыл, а открывать его – значит, привлечь к себе внимание. Придется уходить через дверь.

Мадрук уже направился к выходу, как вдруг дверь открылась, и в проеме показались еще какие-то люди. Один из них держал в руке масляную лампу.

– Мо! – воскликнул ночной гость, увидев в полутьме силуэт наемника. – А мы боялись, что ты спишь. А что это у тебя все открыто? И ворота, и дверь... и...

Вошедший осекся на полуслове, когда лампа отбросила свет на лицо убийцы.

Мадрук напрягся. Ночные гости застали его врасплох. Кто он такой – объяснять им не придется, ведь его безупречная экипировка и вооружение говорят сами за себя. Наемник попал в затруднительное положение и, точно затравленный зверь, вынужден был поступить не так, как задумал. Бежать некуда: единственно доступный путь перекрыт неожиданными посетителями, которые, судя по всему, еще и друзья лорда. Мадруку теперь ничего не остается, кроме как убить их всех. Пока мужчина с фонарем доставал из-за пазухи оружие, наемник успел все рассчитать. У входа три человека: двое мужчин и, судя по силуэту, девушка. Наверху один лишь лорд. Убийце хватит двух секунд и двух ножей, чтобы обезвредить вооруженного мужчину и девушку, чтобы та не визжала. Парень, судя по реакции, безоружен, ему Мадрук пере режет горло, а лорда застрелит, когда тот выйдет из спальни. Хорошо, что убийца заранее прикупил глушитель. Всего один точный выстрел не вызовет много шума, но позволит сэкономить время и не дать лорду спастись.

В руках наемника блеснули лезвия, которые, подчиняясь точным, отработанным движениям, с едва слышным свистом устремились в живые мишени.

За секунду до этого Дарий по привычке зажег все свечи, что были в холле, а также камин, отчего зал наполнился светом. Он делал так всегда, входя в темное помещение, чтобы его спутникам не пришлось искать канделябры впотьмах. Капитан, заметивший в руках наемника оружие, успел пригнуться, и нож, пущенный в него, вонзился в стену. Нет смысла даже говорить о том, что Ева не обладала подобной реакцией, кроме того, она была слишком расстроена, чтобы вообще что-либо понять. Нож вонзился бы ей точно в горло, если бы не Висмут, закрывший девушку собой. Кок был на голову выше Евы, и нож, предназначенный для нее, со свистом влетел ему в грудь. Висмут закашлялся и, схватившись за тонкую рукоять, отшатнулся к стенке. На рубашке проявилось красное пятно.

Стром, уже вытащивший пистолет, спешно выстрелил в наемника, которого сбили с толку загоревшиеся свечи, и потому он, не успев среагировать, получил пулю в плечо.

Наверху показался Мориус. Спускаясь, он как следует замахнулся и метнул в Мадрука тяжелый канделябр, который держал в руке. Убийца отпрыгнул в сторону и дважды выстрелил в доктора, после чего направил пистолет на капитана. Щелк!.. Осечка. Мадрук снова нажал на спуск, как вдруг резко поднял руку, отчего пуля угодила в потолок – это Ева наконец вышла из

оцепенения и одним жестом приказала Дарию вселиться в наемника. Призрак не успел остановить палец, нажавший на спуск, но сумел поднять руку врага, чтобы не ранить капитана. С потолка посыпались пыль и стружка.

Ева бросилась к Висмуту. Тот, оседая на пол, прислонился к дверному косяку.

– Висмут! – тормошила она его. – Висмут, очнись! Висмут!

– Я нормально... думаю, жить буду, – сказал он, приоткрывая глаза. – Ты в порядке?

– Ты спас меня...

Договорить она не успела.

– Висмут, главное, не двигайся! – крикнул Стром. – И нож не трогай! Ева, Дарий, помогите!

Ева обернулась. У подножия лестницы лежал лорд Мориус, а под ним темным пятном медленно растекалась кровь. После выстрелов он потерял равновесие и скатился по ступенькам на пол.

Дарий, управляющий телом наемника, застыл на месте.

– Я выполняю приказы только моей госпожи, – ответил он.

– Делай все, что просит Стром, – кивнула Ева.

Дарий бросил оружие на пол и поспешил на помощь. Мориус, несмотря на боль, был в сознании и совершенно ничего не понимал: человек, стрелявший в него только что, вдруг бросился помогать. Лорд попытался что-то сказать, но закашлялся кровью.

– Береги силы, Мо, помолчи, – сказал Стром, разрывая рубашку на груди пострадавшего, – сейчас посмотрим. Дарий, приподними ему голову.

Дарий сделал, как было велено: сел на пол и уложил голову лорда к себе на колени.

– Принеси спирт, Ева! – скомандовал Стром. – Где-то у него в кабинете. Найди! Быстро! Любой алкоголь.

Ева бросилась к бару, что был возле камина: там Мориус хранил свои запасы. Она нашла откупоренную бутылку чего-то крепкого и, захватив бинты и вату в кабинете, принесла капитану.

– Инструменты не нашла, – взволнованно сказала Ева, – в кабинете их нет.

Но Стром не спешил.

– Почему ты не начинаешь? – встревожилась Ева, заметив бледность капитана.

– Мо... – позвал капитан. – Сильное кровотечение, похоже, пули разрывные. Я не знаю, что делать, Мо. Скажи, я сделаю все, что нужно.

Лорд издал булькающий смешок, но, тут же нахмурившись, вцепился рукой в плащ Евы.

– Не понимаю, – прошепел он, – ничего не понимаю... и... я знаю этот плащ.

– Мо! – Стром выглядел испуганным. – Что мне делать? Пули попали в грудную клетку, я думаю, задеты легкие. У нас нет времени на болтовню.

Капитан почти кричал. Кажется, дело было плохо, но Мориус не спешил давать указания.

– Ева, – Мориус говорил с усилием, изо рта при этом струйкой текла кровь, – у тебя дома коробка... с документами.

– Мо! Что делать?! – капитан схватился за голову.

– Слушать... – каждое слово лорда отзывалось свистом и кровотечением из отверстий в груди. – Ева, прочти... мои дневники. Ты узнаешь о себе нечто важное.

Говорил раненый с трудом. Дарий же в этот момент испытывал смешанные чувства, среди которых сильнее всего прорывались сочувствие и страх от того, что единственный человек, знающий что-то об Электе, вот-вот замолчит навечно.

– Ты – некромант, Ева, – сообщил Мориус. – Прочти... мои записи.

– Я уже знаю это, Мориус! И мы знаем, кем ты был раньше... – Ева заплакала. Похоже, ранение оказалось смертельным, и лорд торопился сообщить друзьям важные открытия. – Мы ездили в Серпент. Дарий был женихом Электы. И ты прав, это ее плащ. Мы все знаем. Я под-

селила Дария к этому человеку, – Ева кивнула в сторону наемника. – Скажи нам, что с ней случилось?

Лорд стремительно терял силы. Он был бледен и не мог сдержать кашель из-за крови, постепенно заполнявшей легкие. Снаряды, попавшие в грудь, разорвались и, нанеся осколками множество повреждений, вызвали сильное кровотечение.

– Я думал, что знаю это... – прошептал он, – но теперь... я не уверен... – говорил лорд с паузами, отчаянно хватая ртом воздух. Он дернул рукой, словно хотел дотронуться до раненой груди, но, похоже, уже не чувствовал конечности. – Прочтите все... я... не смог...

– Дружище!.. – Стром в отчаянии обнял друга за плечи. – Ну как же так! Мо!..

Капитан понимал: Мориуса нужно немедленно доставить в госпиталь, что в данных условиях сделать было невозможно. Понимал, но до последнего не верил в это, надеясь, что лорд объяснит, чем ему помочь, и Стром сможет остановить кровотечение.

– Мне жаль, что мы познакомились вот так, – сказал Дарий, глядя лорду в глаза, – а не на том злосчастном вечере, на который ты не пришел. Мне жаль, что все сложилось так трагично.

Лорд прикрыл веки.

– Мориус! – Ева сжала его руку. – Ты останешься? Как Дарий? Останешься с нами?

Лорд приоткрыл глаза. Взгляд его был отсутствующим, и Ева поняла, что он ее уже не видит.

– Я сделал... все... что хотел... – выдохнул он, и кровь, булькая, залила его грудь. – И готов... сесть... в тот экипаж...

Это были последние слова Мориуса: бывшего священника, гениального ученого, замечательного доктора и единственного сына лорда Сагарда.

Ева плакала, надеясь увидеть призрак Мориуса, но он не появился. Она вспомнила свои ощущения после того, как утонула: она чувствовала кружение, а после сразу оказалась на перекрестке. Должно быть, лорд сейчас как раз там, ожидает серый экипаж.

– Легкого тебе путешествия, – прошептала Ева, закрывая лорду глаза рукой, – надеюсь, мы еще встретимся.

Не сосчитать, сколько слез она пролила за последние пару часов, но эти были самыми горькими. Казалось, кто-то вонзил в ее грудь крюк и вырвал им все внутренности, опустошив не только тело, но и душу.

Стром встал и, торопливо смахнув с лица слезу по погибшему другу, поспешил на помощь Висмуту. Сразу после нападения капитан на глаз оценил серьезность полученного ранения и, судя по количеству крови и углу, под которым нож вошел в тело, предположил, что Висмуту повезло куда больше, чем лорду. Он оказался прав. Крови было немного, и кок, несмотря на боль, мог вполне нормально дышать, если не двигался, а значит, важные сосуды не задеты.

– Надо отвезти тебя в госпиталь, – сказал Стром, ободряюще потрепав его по волосам, – лучше вытащить нож там. Дарий, помоги мне отнести Висмута в экипаж. Его лучше сильно не тормошить.

Они подняли кока на руки и направились на улицу.

Ева чувствовала себя ужасно. Как же так?.. Кто был этот человек, убивший их друга? Ева знала Мориуса совсем недолго, но он успел стать для нее важным, близким и в каком-то смысле родным. Каким-то чудесным образом он раскрыл жуткую правду о ее даре. Как же он смог докопаться до истины? Теперь ответы предстоит искать в его дневниках.

Стром вошел в дом и окликнул Еву.

– Поезжай с Висмутом и сообщи об убийстве лорда, – сказал он. – Этого человека, – капитан кивнул в сторону входящего Дария в теле наемника, – надо крепко связать. Я останусь здесь, чтобы дожидаться следователя. А пока ждем, я с ним потолкую.

Дарий присел на стул и дал себя как следует связать. Стром, пребывая в мрачной задумчивости, с упорством паука плел узлы, однако делал это ловко и быстро. Дарий же косился на ноющее плечо, которое ранил капитан, и будто бы получал удовольствие от этой боли. Его можно было понять: ощущать себя в живом теле было приятно. Жаль, что он не мог оставаться в нем и дальше, хотя, по правде говоря, призрак не видел в этом для себя никакого смысла. Свое тело он уничтожил, а жить в чужом было бы неправильно.

Уходя, Ева приказала подселенцу покинуть тело наемника и, стараясь больше не смотреть в его сторону, выскочила на улицу, чтобы не вцепиться убийце в глотку. Ева, никогда прежде не испытывавшая жажды мести, теперь ощущала невероятное желание сделать так, чтобы человек, погубивший лорда, страдал. Апатия и отрешенность, вызванные разговором с Шутом в таверне, теперь сменились гневом и яростью. Но в экипаже ожидал раненый Висмут, которому требовалась помощь, и это останавливало Еву от того, чтобы немедленно линчевать убийцу.

Ехали молча. Ева держала кока за руку, чтобы приободрить. Висмут спас ее от верной смерти, и она была ему за это благодарна. Он мужественно терпел боль в груди и сжимал руку Евы в ответ, внутренне радуясь ее вниманию.

До приезда в дом лорда Ева думала, что хуже того, что случилось с ней в таверне, быть уже не может. Как она ошибалась! Дарий был прав: ничего не может быть хуже смерти, ведь она отнимает все возможности, которыми обладает живой человек. Возможно, взамен она дарует новые, но точно не для тех, кто остается. Никогда больше Ева не сможет поделиться с Мориусом тем, что ее волнует. Он больше не даст ей мудрый совет, не улыбнется своей доброй грустной улыбкой. В дверях библиотеки не появится высокий силуэт лорда, а его понимающие глаза-маслины не заглянут прямо в душу.

Лорд не остался призраком с ними, и это было хорошо: значит, он продолжил свой путь. Но Ева испытывала боль и пустоту в сердце из-за внезапной потери друга. Никто не мог и предположить подобного исхода. Одна боль дополнила другую, и Ева вновь не смогла сдержать слез. Если бы лорд остался призраком, ей было бы легче. Однако она понимала, что в мире живых нет места мертвым, а значит, тот факт, что Мориус все же сел в серый экипаж, был хорошим знаком для него. Несмотря на это, Ева тяжело переживала утрату и в глубине души пока не могла примириться с гибелью друга.

В госпитале Висмута осмотрели и увезли в операционную. Ева с Дарием прождали примерно час.

– Вашему мужу повезло, – сказал пожилой доктор, вышедший в коридор. – Нож сломал одно ребро и угодил в мышцу, лишь слегка задев легкое. Лезвие можно было вытащить на месте, артерий рядом мало, хуже бы не сделали. Состояние молодого человека я оцениваю как среднее. Сейчас ему потребуются покой, уход и внимание. В данный момент он спит и проспит еще часов восемь или девять.

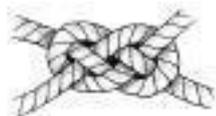
– Он останется здесь? – спросила Ева.

– Мы можем оставить его тут, но лично я замечал, что многие пациенты быстрее идут на поправку, находясь дома. Тем паче когда рядом прекрасная супруга. Лекарь же может навещать его ежедневно. От вас потребуется заявление.

Ева кивнула, не обращая внимания на то, что Висмута назвали ее мужем. Сейчас это было неважно. Доктор же, видя девушку одну – ведь Дарий был невидим, – посчитал ее супругой пострадавшего.

– Я рекомендую оставить его здесь до пробуждения, – доктор подал Еве бланк заявления, – а вечером можете забрать супруга домой.

Обратно Ева и Дарий добирались уже на рассвете. Помимо адреналина из-за последних событий, очень бодрил мороз, и спать совсем не хотелось. Солнце окрасило верхушки елей в розовый и лучами разогнало утренний туман.

Мориус услышал стук копыт и обернулся. Серый экипаж остановился в двух шагах, и лорд, словно намагниченный, ощутил непреодолимое желание шагнуть в него.

– Признаться, я надеялся забрать тебя позже, – заметил альбинос. Его белые кудри слегка светились в темноте.

Лорд забрался внутрь. Говорить не хотелось. Что там дальше? Куда он едет? Увидит ли там Электру? Почему все так сложилось, ведь он не собирался умирать?..

– Потому что «о чем думаешь, то и получаешь», Морис, – услышал он голос в своей голове. – И потому что прошлому место в прошлом. Давно пора было это понять.

– Похоже, ты все знаешь обо мне? – флегматично поинтересовался лорд.

– Обо всех, кого забираю на перекрестках.

– А о других?

– Живых? – уточнил Треор.

– Да.

– Возможно, – уклончиво ответил перевозчик.

– Значит, встретив на перекрестке Еву, ты знал, кто она?

– Не знал, но догадался.

– Почему же не сказал ей сразу?

– Нельзя вмешиваться, – ответил Треор. – Всеу свое время.

Лорд не стал выспрашивать. Чем дальше оставалась Сенталия – мир живых, тем меньше она его интересовала.

– И о чем же я таком думал? – уточнил лорд, возвращаясь к прежнему разговору.

– О том, что теперь и умереть не жалко. Забыл?

– Забыл.

– А мог бы еще пожить эту жизнь, – продолжал голос.

– Разве я мог повлиять на случившееся? – возразил Мориус. – Меня же убили.

– Убили, – согласился Треор. – А теперь оглянись чуть назад. У тебя был такой шанс! Ты создал лекарство, получил признание, уважение, почет. Ты мог уехать на родину и жить там. И та девушка – твоя верная спутница... она любила тебя, Морис. У тебя было все. Но ты так боялся потерять свою связь с прошлым, что в итоге стал им сам.

Треор был прав. Мориус, преданно любивший лишь одну женщину в своей жизни, так и не нашел в себе силы полюбить снова. На протяжении долгих лет он старательно лелеял свою боль от потери Электы, не только лишь из-за страха перед новыми утратами: лорд искренне верил, что места для новой любви в его сердце не хватит, а вытеснить старую не был готов.

– Живя прошлым, Морис, ты совершенно не замечал настоящего, – продолжал возникший, – и твое будущее не наступило из-за того, что прошлое ты так и не отпустил. Ты буквально вцепился в него мертвой хваткой.

Конечно, он имеет в виду возвращение Мориуса в усадьбу за дневником Электы. Даже умирая, лорд прятал тетрадь во внутреннем кармане плаща – прямо возле сердца.

– А теперь скажи, действительно ли ты не мог повлиять на то, что случилось? Ты ведь прекрасно знал, что убивает твоих пациентов, однако забыл, что разрушительные мысли действуют на всех без исключения. Даже на гениальных ученых. Обронив, даже мысленно, столь меткую фразу, ты заставил обстоятельства складываться ровно таким образом, чтобы умереть, пока ты к этому готов. Именно поэтому ты сейчас не со своими друзьями, а здесь, со мной.

И снова альбинос был прав. Лорд не собирался умирать нарочно, но подсознательно был готов к этому и принял смерть так, будто свою миссию в мире уже исполнил.

– Чтобы отменить запущенный механизм смерти, – продолжал альбинос, – достаточно было не возвращаться в дом за тетрадь, отказавшись тем самым от прошлого в пользу будущего.

Лошади бесшумно мчали по туманной мостовой. Казалось, экипаж летит, не касаясь колесами дороги. Да и была ли дорога? Лорд выглянул в окно и изумился – он увидел мир сверху. Материки, океаны, горы, реки и моря – как же красиво! Даже жаль покидать такое прекрасное место.

– Куда ты везешь меня? – вдруг спросил лорд, чувствуя, что лошади замедляют ход.

– Домой, – кратко ответил перевозчик и остановил экипаж.

Мориус вышел и осмотрелся. Вокруг ничего нет, пустота. Все абсолютно белое. Ни потолка, ни пола, ни неба над головой. Какой-то белоснежный вакуум или чистый лист, на котором лорд почувствовал себя черной кляксой.

– До встречи, Морис, – улыбнулся перевозчик и повернул коней в обратном направлении.

Лорд остался один в полной тишине и пустоте. И что, это и есть мир мертвых? Абсолютное ничто, в котором Мориус – абсолютный никто. Мысли лихорадочно закружились в голове. Лорд, не желая стоять на месте, шагнул вперед в это самое ничто и не спеша побрел, сам не зная куда. Мысли постепенно заполняли его сознание, и воспоминания разных лет зароились в... лорд так и не понял, где они возникли. Он всегда считал, что человек думает мозгом, то есть головой. Но теперь, не имея физического тела, он вдруг понял, что мысль рождается прежде всего в разуме, а серое вещество лишь генерирует электричество для того, чтобы заставлять сердце биться и тело – жить.

Чем дольше лорд думал, тем сильнее мысленно приближался к одному важному эпизоду в своей жизни. Внезапно белое ничто вокруг начало окрашиваться и приобретать знакомые очертания: словно невидимая кисть вдохнула в пустой холст жизнь.

Лорд огляделся и с изумлением обнаружил себя во дворе монастыря Марагда. Навстречу ему спешила темноволосая девушка в малахитово-зеленом плаще. Мориус взглянул на свои руки и заметил, что они не такие узловатые, какими он привык их видеть. Перед ним были руки молодого мужчины.

– Ах, Морис! Как я рада видеть тебя! – подойдя, воскликнула Электа и, взяв лорда за руку, залюбовалась изумрудом в его кольцо. – Я пришла сказать тебе что-то важное.

Вот он – момент, который лорд считал роковым. Он никогда не задумывался о том, что именно этот разговор был для него так важен. А ведь Мориус не единожды прокручивал его в голове, полагая, что, если бы в этот самый день сказал Электе правду о своих чувствах, все сложилось бы иначе. Внезапная мысль озарила сознание лорда: что, если это не посмертные галлюцинации, а шанс все исправить?

Недолго думая, лорд заключил Электу в объятия.

– Я так скучал по тебе, – сказал он ей на ухо.

Электа подняла на священника изумленный взгляд и хотела было что-то спросить, но Мориус приложил палец к ее губам и покачал головой.

– Я знаю, что ты хочешь сообщить мне, Электа, – сказал он, заметив на ее пальце кольцо с сапфиром. – Но мне тоже есть, что тебе сказать. И я должен сделать это прямо сейчас.

– Но... как ты...

– Не спрашивай, – улыбнулся лорд. – Понимаешь... я будто прожил двадцать лет без тебя и теперь вдруг осознал, что должен был давно тебе признаться. Ведь с тех самых пор, как мы знакомы, я тайно люблю тебя.

Электа охнула.

– Но Морис... ты же священник!

– Оказалось, что у священников тоже есть чувства.

– Я... я не знаю, что сказать... я думала, мы друзья. Прости...

Признался. И что? Она не бросилась к нему на шею, не расцеловала, не ответила взаимностью. Но, несмотря на это, лорд не испытывал сожаления, напротив – чувствовал, что все теперь делает правильно.

– Мне важно понять одну вещь, – продолжал Мориус. – Всегда ли ты считала меня другом? Мешало ли тебе то, что я дал обет безбрачия? Полюбила бы ты меня, как я тебя, не будь я монахом?

– Морис, прости... – совсем расстроилась Электа.

Что ж, теперь он знает: она никогда не любила его так, как он любил ее. Ей не мешала его сутана, потому что Электа действительно считала его своим другом.

– Это ни к чему тебя не обязывает, – лорд взял ее за руку и покрутил кольцо на ее тонком пальце, – ведь я знаю, что ты влюблена в другого. Но что бы ни случилось, знай – я буду рядом. И, конечно, я вас обвенчаю, ведь ты об этом хотела меня попросить?

Электа удивленно кивнула.

– Ты можешь на меня рассчитывать, – улыбнулся лорд. Теперь это давалось ему легко. Если двадцать один год назад он едва сдерживал свои чувства, то теперь он был от них свободен. И, зная точно, что даже при иных обстоятельствах она бы все равно полюбила другого, он искренне желал Электе счастья.

– Мне так неловко теперь просить тебя об этом, – растерялась она.

– Все в порядке, – заверил ее Мориус.

Еще раз поздравив Электу с грядущей свадьбой, лорд проводил ее взглядом до выхода, однако теперь уже с совсем другими чувствами. Сомнения наконец развеялись: он ничего не мог изменить. У них не могло быть совместного будущего, при любом раскладе Мориус остался бы наблюдателем и другом. Мог ли он, изменив свое поведение в тот день или раньше, предотвратить ее гибель? Выходит, что нет. Ведь даже после его признания Электа не поменяла своего решения.

С плеч будто бы упал тяжелый груз: вся та боль, которую он переживал снова и снова, коря себя за то, что вовремя не открылся Электе и не спас ее от смерти. Что бы он ни сделал, она снова погибнет, и он снова разуверится в Создателе, оставит монастырь и бросит все свои силы на создание лекарства. Все будет так же, с одним лишь отличием: теперь, когда лорд точно знает, что его чувства никогда не были взаимны, он позволит себе полюбить снова. Эмоциональный капкан, в который Мориус когда-то загнал себя сам, разжался, и он наконец почувствовал себя свободным.

Монастырь и пейзаж вокруг начали блекнуть, и иллюзия пропала, а Мориус оказался перед высокими серебристыми воротами. «Так вот как они выглядят», – подумал лорд и, выставив вперед руку, смело шагнул в неизвестное будущее.

Глава 3. Любовь, душа, разум

К возвращению Евы и Дария дом лорда был полон людей. Следователь и похоронщики приехали быстро. Мадрука разоружили, развязали и увезли дожидаться суда в камере. К слову, убийца во всем признался, вину свою не отрицал и при задержании не сопротивлялся.

После разговора с Мадруком Стром не мог скрыть нервозность. Беседуя с капитаном тет-а-тет, наемник сообщил, что стал жертвой шантажа, но в последний момент все же передумал убивать лорда. И не стал бы делать этого, если бы в дом внезапно не заявили друзья доктора. Сначала капитан не поверил ни единому слову убийцы, не желая осознавать фатальность произошедшего. Однако чем больше думал об этом, тем сильнее ощущал надрыв в душе. Ведь если бы они не встретили Вормака в таверне, братья не сыграли бы партию в шахматы и не узнали, что их разделение невозможно. Шут не расстроил бы Еву, и они не поехали бы к Мо, минуя ее дом. Не встретили бы Мадрука, и тот не застрелил бы лорда.

Вернись они хотя бы на пару минут позже, Мо остался бы жив.

Стром чувствовал себя отвратительно. Главное – не проболтаться о череде этих случайностей Еве, иначе она никогда не простит себе просьбы отвезти ее к лорду немедленно.

В дом на холме друзья вернулись уже днем, пребывая в самом мрачном расположении духа. Еще ночью все было хорошо: своей малочисленной, но бодрой командой они причалили к берегу, собираясь днем навестить Мориуса. И что же теперь? А теперь лорд мертв, Висмут ранен и находится в больнице, а Шут заливает горе в кабаке. Из живых и почти здоровых остались лишь Стром и Ева, да практически незаметный Шерл, прячущийся у нее в капюшоне. Дарий же в качестве сопровождающего всегда маячил рядом с некромантом.

Что касается почти здоровых. Оставшиеся в живых физически были целы, кроме Висмута, но души их отчаянно кровоточили. Тому, кто остается, всегда тяжелее, чем тому, кто уходит. Стром переживал потерю старого друга и учителя и с болью в сердце осознавал злой рок сложившейся ситуации, однако мыслями своими ни с кем поделиться не мог. Кроме того, он переживал за раненого Висмута, которого собирался забрать к вечеру на корабль и выхаживать лично, и за Еву, которая страдала из-за потери общего друга и неразделенной любви. Стром не только сочувствовал названной дочке, но и страшно беспокоился за нее, размышляя о том, как недавние события могут отразиться на ней, ведь Ева – носитель темного дара. С тех пор, как друзья узнали, что Ева – некромант, они старательно оберегали ее от всего, что могло

бы поселить у нее в душе хоть каплю зла, но теперь... Стром не на шутку испугался того мимолетного взгляда, который Ева, уезжая, бросила на Мадрука. В этом взгляде отчетливо читалась ненависть, а вместе с ней ярость и непримиримая жажда мести. Это повергало капитана в ужас. Вместе со всеми этими думами он беспокоился за братьев, а в особенности за Килана, другом которого и являлся в первую очередь. Несомненно, тот придет в себя и научится жить со своей потерей, но сейчас капитану не хватало присутствия этого, как оказалось, самого серьезного шута на свете.

Конечно, было и чему порадоваться – скоро Эмпорий, на котором Вормак исправит шляпу, и тогда Стром сможет наконец вернуться домой. Но и здесь было то, что омрачало это радостное ожидание: в друг дома его уже никто не ждет?

Дом Евы внутри было не узнать, и, увидев то, что с ним сотворил лорд, она расстроилась еще сильнее. Да, было красиво и уютно, но теперь все в нем будет напоминать о погибшем друге.

– Стало даже лучше, чем было до пожара, – заметил Дарий.

Ева согласилась с ним, но лицезреть устроенную Мориусом красоту без него самого было тяжело.

Совершенно вымотанные физически и морально, Ева и Стром проспали до самого вечера. Шерл в этот раз устроился на подушке рядом с ней, а Дарий остался в холле и, сидя в кресле, привычно наблюдал за языками пламени в камине.

Проснувшись, Ева обнаружила Строма накрывающим на стол, однако, несмотря на аромат, исходящий от подогретого пирога, отказалась от завтрака и даже от чая.

– Ты должна поесть, – уговаривал ее Стром. – Кто не ест, тот теряет силы. А мы с тобой уже сутки голодны.

И это была правда. Последний раз друзья ели на борту «Провидца».

– А зачем мне силы, Стром? – расстроено спросила Ева. – Из-за них в голову лезут разные мысли, а мне хочется перестать думать.

Дарий понимал ее. Ему тоже хотелось остановить поток мыслей, которые мучили его, но сделать это было крайне трудно. Глядя в огонь, призрак думал о Мориусе, задаваясь главным для себя вопросом: какую же тайну унес лорд с собой в могилу? Да, призрак понимал, что правда об Электе не поможет ему освободиться от плена этого мира, но, по крайней мере, это избавило бы его от излишних терзаний.

С трудом отвлекшись от собственных дум, Дарий присел на подлокотник кресла, в котором расположилась Ева, и легонько коснулся ее плеча, ища глазами поддержки у Строма.

– Знаешь, о чем я мечтаю сейчас? – спросил призрак. Он понимал состояние подруги, но также знал, что, отказываясь от еды, Ева может навредить своему здоровью.

– О чем? – без интереса спросила она.

– Выпить горячего чаю! – улыбнулся Дарий. – Очень хочу, но не могу! Досадно! – он развел руками. – Пожалуйста, сделай это ради меня.

Уговоры Дария сработали, и Ева приняла из рук Строма большую кружку с горячим травяным напитком. Это возымело эффект, и капитану даже удалось скормить ей кусочек капустного пирога.

Далее капитан озвучил намерение забрать Висмута на судно, однако Ева была против.

– Но почему? – удивился он. – Шляпа со мной, его даже не придется везти на пристань. Я перенесу парнишку на корабль прямо из больничной палаты.

– Потому что тебе потребуется отлучаться за лекарствами. К тому же лекарь из госпиталя должен будет осматривать Виса каждый день, – аргументировала Ева. – Кроме того, ты собирався заняться похоронами Мориуса. И кто тогда будет ухаживать за Висмутом, пока тебя нет?

– И что ты предлагаешь? – нахмурился капитан. – Оставить его в госпитале? Да он там умрет от тоски и скуки.

– Его надо везти сюда, – ответила Ева. – Пока ты улаживаешь все дела, я буду за ним ухаживать.

Стром, зная отношение Евы к Висмуту, искренне удивился такому предложению, однако посчитал его разумным и согласился.

Ева же, понимая, что обязана Висмуту жизнью, хотела хоть как-то облегчить его состояние и не могла допустить, чтобы он проводил дни и ночи один в больничной палате.

Стром уехал, а Ева осталась дома с Дарием, чтобы подготовиться к приезду больного. К счастью, дом был просторным и несколько комнат пустовали, поэтому хозяйка выделила коку отдельную спальню рядом со своей, на случай если ему срочно что-то понадобится.

Висмута привезли поздно вечером. Он был в сознании, но все еще очень слаб.

Следующие сутки Стром занимался организацией похорон друга, в чем ему активно помогал Эгири. Губернатор, узнав о гибели доктора, впал в ярость и лично явился в камеру к наемнику, чтобы допросить его.

Через день капитана отыскивали братья. После обильных возлияний в кабаке они приходили в себя примерно сутки, после чего решили выбраться из своего укрытия.

– Это ужасно, – покачал головой Шут, – такая трагедия. Очень жаль лорда.

– Умирал он достойно, – сообщил Стром. – Даже захлебываясь кровью, заботился не о себе, а о других. Пока нас не было, он узнал, что Ева – некромант, и спешил ей об этом сообщить.

– Удивительный человек.

Стром кивнул.

– Не представляю, что Ева чувствует сейчас, – расстроился Килан. – Сначала я, а потом это убийство.

– Еве очень тяжело, – с укором произнес капитан, – но она пока держится. Ее очень поддерживает призрак.

Друзья сидели в таверне, как раз в той, что была недалеко от площади, где Ева летом познакомилась с лордом.

– Я скучаю по ней, – признался Килан, – очень.

– Скажи-ка мне лучше, что ты наговорил ей в таверне?

– То, что дало бы ей понять: я настоящая скотина.

– Но ведь это не так.

– Это не имеет никакого значения, Стром, пока я – человек с тремя лицами. Но, учитывая сложившиеся обстоятельства, я буду таким всегда. Стало быть, мое истинное к ней отношение совершенно не важно.

Стром молча закурил, внимательно поглядывая на друга.

– Я понял тебя, – кивнул он.

Шут нервно отхлебнул из чашки. После той пьянки в кабаке, спокойно теперь он мог смотреть только на чай.

– Сильно расстроилась? – тихо спросил он.

– Настолько, что мне больно на нее смотреть. И еще: после того, что случилось с Мо, я очень беспокоюсь за ее состояние. Понимаешь... она вроде та же, но во взгляде появился какой-то холод. Откровенно говоря, Шут, я побаиваюсь, как бы не случилось то, чего мы так опасались. Она начала замыкаться в себе, и я не знаю, как ее растормошить. Несмотря на то, что сейчас Ева активно помогает Висмуту, она и сама очень нуждается в поддержке. Большая удача, что рядом с ней есть этот призрак. Он не оставляет ее одну и ведет с ней беседы с точки зрения погибшего человека. Так сказать, демонстрирует потусторонний взгляд на жизнь, ведь он-то лучше всех нас понимает ее ценность. И я заметил, что именно Дарий в силах сейчас подобрать нужные слова. Я думаю, это здорово ей помогает. Вчера, например, и сегодня он убедил ее хотя бы немного поесть.

Килян совсем поник. Невыносимо было знать: виной тому, что происходит с Евой, отчасти стал их разговор в таверне. Более того, он совершенно не подумал, как это может повлиять на ее темный дар. Так жестоко уничтожая ее любовь, Килян фактически играл с огнем, ведь в услужении у Евы был опасный полтергейст. Только сейчас Шут подумал о том, что могло случиться, если бы она не сохранила самообладание. Пусть бы она расправилась лично с ним, однако могли пострадать и другие люди, но самое страшное даже не это, а то, что в душе Евы поселилась бы тьма. Та самая тьма, что когда-то поглотила Ландегора. Перед глазами вновь возник живой труп с глазами цвета вмерзшего в снег василька. Шут дернул плечом и тряхнул головой, пытаясь выбросить возникший образ из воображения.

Может, стоит отправить к ней хотя бы Сомбера? Ведь он умеет успокаивать сердца музыкой.

– Думаю, тебе не стоит сейчас появляться там, – предвосхитил идею Шута Стром, будто читал его мысли, – вряд ли Еве хочется тебя видеть. Она будет нервничать не только в твоём присутствии, но и рядом с любимым из братьев.

Шут кивнул и тут же поморщился от мысли, внезапно пришедшей в голову. Но мысль эту все же решился озвучить.

– Может быть, ранение Висмута как-то сблизит их, – вздохнул он. – Все-таки кок ее спас. Ухаживая за ним, перевязывая... его... – Шут запнулся, – в общем, это как-то может повлиять на ее к нему отношение.

Думать о том, что Ева полюбит другого, было невыносимо больно, но Килян понимал: для нее было бы лучше оставить в прошлом эту разрушительную любовь. Забыть среднего из братьев Нимени, пусть даже в пользу Висмута.

– Но я приду на похороны, – добавил Килян. – Мориус был достойным человеком, и я хочу с ним проститься. Постарайся увести Еву, когда увидишь меня. Чтобы нам с ней не видеться.

Капитан кивнул.

На том друзья и разошлись: Стром отправился в дом на холме, а братья – в гостиницу на причале.

Днем Висмуту стало хуже. Лекарь заходил с утра и отметил, что у кока сильный жар. Сообщив, что организм борется с инфекцией, он прописал лекарства и компрессы и ушел.

Ева чувствовала себя совсем разбитой, но забота о Висмуте ее дисциплинировала. Дарий держался рядом, помогая ей, но к вечеру, когда вернулся Стром, Ева была совершенно без сил.

– Похороны завтра, – сказал капитан, помогая ей с ужином. – Эгирин принял участие в приготовлениях. Не думаю, что я бы так легко управился, если бы не он.

Вечером не пришлось уговаривать Еву поесть. Очевидно, Дарий провел с ней жизнеутверждающую беседу днем, и это было заметно по ее поведению.

Висмута покормить не получилось. Из-за сильного жара его рвало, и единственное, что он принимал из рук Евы, – это вода.

После позднего ужина Стром ушел наверх, чтобы помочь больному. Требовалось обтереть его влажным полотенцем, отвести по нужде (днем ему этого ни разу не потребовалось – вся вода выходила с потом), проветрить комнату и сменить постельное белье.

Ева осталась в холле. Дарий разжег камин посильнее и присел в соседнее кресло. Шерл крутился рядом, щурясь от огня и подставляя к нему черные блестящие бока.

– Дарий, ты не скучаешь по портрету?

– Совершенно не скучаю.

Оба при этом смотрели на огонь.

– Но я ощущаю от тебя необычную эмоцию.

– Ты чувствуешь мое настроение? – насторожился призрак.

Ева кивнула.

– И давно?

– У меня открылась некая... м-м-м... эмпатия к призракам, – сообщила Ева. – Я поняла это, когда мы были на кладбище. Тогда я почувствовала настроение и боль каждого из потеряшек. И вот прямо сейчас... ты хочешь чего-то, но будто боишься попросить.

– Ничего-то теперь от тебя не утаишь, – хмыкнул Дарий.

– Так чего ты хочешь?

Дарий замялся, но глаза его заблестели.

– С тех пор, как мы вернулись сюда, я не могу игнорировать рояль...

– Да, я тоже смотрю на него и не понимаю, зачем Мориус притащил его сюда. Хочешь поиграть?

– Безумно!

– Так давай, – улыбнулась Ева. – Тогда я смогу похвастаться, что слышала музыку Дария Ле Гура в исполнении самого автора уже после его смерти.

Дарий приблизился к роялю и, подражая живому человеку, полупрозрачными руками открыл крышку инструмента. С минуту он гладил клавиши пальцами, после чего закрыл глаза и заиграл.

Обычно его руки проходили сквозь предметы, и, на самом деле, призрак мог извлекать звук из инструмента одной лишь силой мысли, даже не касаясь его пальцами или находясь при этом в любом уголке дома, но ощущать себя рядом с поющей машиной ему было в разы приятнее. Это напоминало о времени, когда он был жив и знаменит и когда перед ним открывались все двери, а впереди маячило светлое будущее.

Играл Дарий так, будто никого не видел и не слышал. Он весь погрузился в музыку и чувства, вложенные в нее. Ева никогда не слышала ничего подобного. Стоило закрыть глаза, и образы сами собой возникали в голове. Музыка Дария Ле Гура была печальной и пронзительной, но вместе с тем светлой. Когда Висмут уснул, на звуки спустился Стром и, остановившись в дверях, задумался о чем-то своем, наблюдая за произвольно нажимающимися клавишами.

Дарий играл весь оставшийся вечер. Ева, слушая его, крепко заснула, свернувшись в кресле, чему Стром очень обрадовался. Из-за всех переживаний она не только плохо ела, но и тревожно спала, отчего под глазами залегли серые тени. А тут уснула и ничего вокруг не слышала. Не проснулась, даже когда капитан отнес ее в спальню и бережно укрыл одеялом.

– Не знаю, где ты, призрак, – прошептал он, спускаясь обратно, – но твоя музыка проникает в самое сердце. Кроме того, ты помог девочке уснуть. Спасибо за этот прекрасный концерт.

Дарий слышал и ответил капитану, потушив и тут же воспламенив фитиль в лампе, которую капитан нес в руке. Стром кивнул и повернул в гостевую спальню, что была на первом этаже.

Проснулись рано, на похороны собирались в угрюмом молчании. Капитан заранее попросил отправить из госпиталя сиделку, чтобы та позаботилась о Висмуте, пока друзья будут отсутствовать. Однако та опаздывала, и Дарий предложил остаться с коком хотя бы до ее прихода, чтобы быть рядом, если вдруг Висмуту срочно потребует помощь. Еве идея понравилась, и она согласилась.

На севере Ласнора мертвецов не сжигали, а традиционно предавали земле. Проститься с лордом пришло совсем немного людей: губернатор Эгирин с сынишкой, несколько врачей и с десятков спасенных Мориусом пациентов. Шел снег. Хлопья были такими крупными, словно сами небеса горько оплакивали погибшего доктора. Ева стояла чуть поодаль и наблюдала за голубоглазой девушкой с длинными светлыми локонами. Блондинка очень близко подошла к гробу и, поцеловав лорда в лоб, вложила в его руки тетрадь в коричневой обложке и алую розу.

Отвернувшись, незнакомка расплакалась на плече у хмурого старика с косматыми бровями. Тот угрюмо глядел на почившего лорда и что-то бормотал, еле шевеля губами.

Снегопад усиливался. Кружась, снег опускался на серую комковатую грудку земли, на живые цветы, лежащие вокруг гроба, и на черную одежду покойника. Ложась на его лицо, снег не таял. Если бы не это, можно было бы подумать, что лорд, который всегда был бледным, вот-вот откроет глаза и, поднявшись, скажет, что произошла досадная ошибка и ему всего лишь требовалось время, чтобы прийти в себя. Но этого не происходило, и пушистые хлопья, падающие с неба, грозили засыпать лорда мягким снежным саваном.

– Пойдем, девочка, – Стром подошел к Еве и приобнял ее за плечи, – не обязательно оставаться до конца.

– Но я хочу побыть, – неожиданно твердо сказала Ева.

Она хотела убедиться, что призрак лорда не появится рядом с могилой уже после погребения. Это было маловероятно, но из воспоминаний одного из потеряшек с кладбища Серпента Ева узнала, что иногда дух может перемещаться от вещи к телу и наоборот. И не всегда это происходит сразу после смерти. В глубине души Ева все еще надеялась увидеться с Мориусом после его гибели.

– Ты устала, я же вижу, – настаивал капитан и попытался развернуть ее к выходу. – Пойдем.

Ева нахмурилась, но поддалась, когда к Строму вдруг обратился невысокий мужчина в темно-коричневом пальто и в очках с линзами-половинками.

– Господин Соллер? Капитан? – уточнил он.

Стром повернулся.

– Я.

– Здравствуйте, капитан, – мужчина приподнял шляпу в знак приветствия. – Меня зовут Айн Лестер, я адвокат лорда Сагарда.

– И?.. – растерялся Стром, приподнимая в ответ треуголку. – Чем я могу вам помочь, господин Лестер?

– Прошу вас не уходить и дождаться окончания церемонии, – мягко сказал адвокат. – Есть дело.

Капитану пришлось стиснуть зубы и остаться. Впрочем, пока он был занят разговором с господином Лестером, случилось то, от чего он пытался уберечь Еву. Дело в том, что капитан, увидев Килана издали, старался поскорее увести ее с кладбища, однако адвокат спутал все планы. Ева уже заметила мелькнувший среди надгробий антрацитовый плащ и черную шляпу, надвинутую почти на глаза. Волосы Килан завязал лентой на затылке и спрятал под одежду, чтобы не развевались на ветру.

Не глядя на присутствующих, он возложил к гробу белоснежную розу и, присев рядом, коснулся замерзшей руки лорда, прощаясь с ним. Поднявшись, Килан встретился взглядом с Евой. От этого взгляда по его спине пробежал холодок. Что же он наделал!.. Они не виделись всего лишь три дня, но Ева за это время заметно похудела, черты лица слегка заострились, а под глазами залегли нездоровые тени. Она глядела на него не моргая, и ее неподвижное лицо больше походило на каменную маску. Казалось, это Ева умерла, а не Мориус. Живыми были лишь ее глаза. Что они выражали, Килан понять не смог, но от взгляда веяло то ли сталью, то ли пронзительным холодом, о котором упоминал Стром.

Лучше бы она злилась! Или отводила и прятала глаза, как делала это раньше. Или даже плакала. Но не это. Взгляд был несколько отрешенным, словно окружающие для Евы уже давно мертвы. Особенно Килан.

Шут застыл на месте, глядя в ледяные каре-зеленые глаза. Не сумев выдержать этого, он надвинул на лоб съехавшую назад шляпу и поспешил покинуть кладбище.

Глядя ему вслед, Ева накинула капюшон на голову, заодно прикрыв им лицо. Нет, она все еще чувствовала. Определенно эта немая встреча далась ей с огромным трудом. Ева вздохнула и перевела взгляд на лорда, гроб которого уже закрывали крышкой. Наверное, Мориус тоже не всегда был таким истуканом, каким его большую часть времени знали друзья. Наверное, его железная непоколебимость – это приобретенное качество. Все-таки когда-то он был монахом. Умение прятать свою боль за непроницаемой маской, вероятно, являлось жизненно необходимым навыком. Еве было так больно последние двое суток, что она твердо решила стать такой же стойкой, каким при жизни был лорд. «Непроницаемость – это сила, – думала Ева. – Некоторым людям не стоит показывать свои истинные чувства, ведь так они узнают наши слабые места и когда-нибудь смогут по ним ударить».

Оставалось лишь два человека, с которыми Ева не хотела быть такой закрытой: Стром и Дарий. Однако рана, нанесенная Киланом, была настолько глубокой, что Ева предпочла закрыться совершенно ото всех. Возможно, на время, а возможно, и навсегда.

Человек, которого она так искренне и чисто любила, вырвал ей сердце, причем сделал это невероятно легко, играючи. Всего минуту назад он стоял в нескольких шагах от нее, но даже встретиться с ним одним лишь взглядом было невыносимо больно. Ева не могла его ненавидеть и не желала ему зла, она его даже не презирала. Всего лишь не понимала, как могла так жестоко ошибаться. Глядя в его глаза, она будто пыталась отыскать у этого человека душу. Лицо ее ровным счетом ничего не выражало, хотя мускулы так и норовили предательски дернуться. А вот дыра, что образовалась на месте вырванного сердца, отзывалась протяжно воющим сквозняком, колышущим ошметки тканей, когда-то примыкавших к вышеназванному органу.

Так чувствовала себя Ева, однако Стром увидел совсем другое. Он увидел холод и безразличие в ее взгляде, брошенном на бывшего возлюбленного. Капитана пробил холодный пот, но сказать он ничего не решился, опасаясь сделать еще хуже. Лишь сокрушенно покачал головой, надеясь, что Висмут, искренне и горячо любящий Еву, все-таки сумеет растопить лед в ее душе.

После похорон господин Лестер пригласил капитана в свою контору, однако Стром настоял, чтобы Ева поехала вместе с ним. Не хотел оставлять ее одну.

– Хорошо, – сказал адвокат, – свидетели нам пригодятся.

Каково же было удивление Евы, когда в экипаже, поданном для них, оказались еще два пассажира – та самая блондинка, вложившая в руки Мориуса розу и тетрадь, и старик с косматыми бровями.

– Вы – капитан Стром Соллер? – спросила девушка, отнимая платок от заплаканных глаз.

– Верно, – кивнул он. – А... вы?..

– Меня зовут Нитта, – ответила девушка, – Нитта Фрей. А это мой отец.

Старик не проявил ни малейшего внимания к попутчикам. Он не на шутку расстроился, узнав об убийстве будущего зятя и, искренне скорбя, не горел желанием с кем-либо разговаривать, устремив хмурый взгляд в окно.

– Мориус много рассказывал о вас, – всхлипнув, сообщила Нитта, – и о вас, – кивнула она Еве.

– И обо мне? – удивилась та.

– Да, – подтвердила Нитта. – Вы, наверное, Ева.

– Да, – кивнула Ева, – но он о вас ничего не говорил...

– Мы познакомились сразу после того, как вы уехали.

– А вы... – повторил Стром.

– Была его невестой.

– О...

– Еще он упоминал человека с тремя личностями.

– Это мой друг, – поспешил ответить Стром, – он был сегодня. Носит маску на треть лица.

Капитан дотронулся до правой стороны своего лица, жестом обозначая часть, скрываемую маской.

– Да, я его видела...

Адвокат, чтобы не мешать друзьям погибшего разговаривать, ехал отдельно, сидя на козлах рядом с кучером.

– Как думаете, что за дело к нам у адвоката? – спросила Нитта.

– Думаю, это по делу об убийстве, – предположил капитан. – Нужны свидетели из его ближайшего окружения. Я его друг, а вы – невеста.

В кабинете у Лестера оказалось довольно тесно, но уютно, и обставлено помещение было дорого. Адвокат уселся на широкий стул, порылся в документах и, вытащив из папки несколько бумаг, поправил очки, съехавшие на самый кончик носа.

– Уважаемые господин Соллер и госпожа Фрей. Дело в том, что за пару дней до случившегося наш дорогой лорд Сагард почтил меня визитом...

– Лорд Сагард? – не поняла Нитта.

– Это настоящая фамилия лорда. Вы не знали? – изумился Лестер.

– Нет...

– Хорошо, тогда небольшая историческая справка: лорд, известный в городе как доктор Мориус, является уроженцем государства Стекланный архипелаг, остров Глаас, город Глаас, и в документах записан как лорд Морис Сагард. Доктор завещал похоронить его под псевдонимом, коим он пользовался уже больше двадцати лет, потому как очень привык к нему.

Нитта выглядела растерянной. Она понимала, что у лорда были секреты, но не предполагала, что не знала даже его настоящего имени.

– Итак, – Лестер снова поправил очки и откашлялся, – лорд Сагард, вероятно, догадывался о готовящемся покушении, поэтому поспешил навестить меня заранее, чтобы составить завещание.

Нитта охнула.

– Господин Соллер, – продолжал адвокат, – пожалуй, начнем с вас. Лорд Сагард отмечал, что вы брали у него уроки и весьма сведущи в медицине. Посему завещал вам двенадцать гектаров угодий в поместье Сагардов для того, чтобы прибыль, полученную с данных владений, вы использовали для запуска производства некоего лекарственного средства, которое лорд изобрел несколько недель назад. Господин Сагард также оставил вам усадьбу в Сомнусе. Держите, пожалуйста, документы на имение и разрешение на строительство производственных мощностей в городе или прилегающей к нему территории, выданное ему лично губернатором Эгирином. «Завещаю тебе дом, чтобы ты мог оставаться в городе столько, сколько захочешь, и имел возможность организовать производство лекарства под нашими с тобой именами», цитата.

Капитан был поражен и искренне растроган доверием Мориуса и оказанной ему честью.

– Если вы принимаете на себя обязательства, о которых вас попросил лорд, я передам вам остальные документы прямо сейчас, – объявил Лестер. – Принимаете ли вы их на себя, капитан? Обязуетесь ли вы полученные от прибыли деньги использовать в первую очередь для исполнения воли погибшего?

– Обязуюсь, – без раздумий ответил капитан.

Адвокат протянул Строму документы и подал перо, чтобы тот смог поставить подпись.

– Что ж, – Лестер снова кашлянул, – продолжим. Нитта Фрей, лорд Сагард передает вам во владение девять гектаров земли на Глаасе, а также поместье в одноименном городе. Остальными девятью гектарами останется владеть управляющий поместьем – двоюродный брат лорда, который много лет был наместником господина Сагарда. Вы можете оставить его работать в качестве управляющего или же принять бразды правления на себя. Но лично я не рекомендовал бы вникать в эти дела без должного опыта, однако решать, конечно же, вам. Примите, пожалуйста, документы.

Адвокат протянул бумаги растерянной Нитте. Она молча поставила подписи, однако было видно, что внезапно обретенное состояние ее ничуть не обрадовало. Любое богатство меркнет перед потерей любимого человека.

– Все документы переданы и подписаны при свидетелях, – объявил адвокат. – Уважаемые свидетели, прошу вас поставить подписи вот здесь.

Ева дрожащей рукой подписала документ и передала перо хмурому отцу Нитты. Девушка что-то сказала на ухо старику, и тот поставил на бумаге закорючку.

Выйдя из адвокатской конторы, Ева пригласила Нитту и ее отца к себе, чтобы поужинать всем вместе и поговорить о лорде. Нитта согласилась. Правда, старик, как услышал про дом на холме, ехать туда наотрез отказался и предпочел вернуться домой один. Поэтому в дом Евы Нитта поехала без отца.

Это был самый печальный вечер на памяти Строма. Он и раньше терял людей из команды, которых считал близкими, однако сейчас скорбь была куда более глубокой. Капитан знал лорда давно, однако надолго потерял с ним контакт и очень обрадовался, когда обрел его вновь.

Друзья приготовили простой ужин и сейчас тихонько разговаривали, вспоминая Мориуса. Еще только войдя в дом, Ева подала Дарию знак, и тот ничем себя не выдавал, хотя Стром ловил себя на мысли, что сейчас им бы очень пригодилась его пронзительная, но вместе с тем успокаивающая музыка. Капитан с радостью послушал бы и лютню Сомбера, но Цербер теперь был вынужден обходить дом на холме стороной.

Ева не знала, стоит ли открываться Нитте, боясь ее реакции, однако к ночи та разоткровенничалась и рассказала, что помогала лорду не только с записью рецептов, но и с книгами по некромантии. Нитта полагала, что лорда могли убить из-за этого, ведь многие подозревали его в колдовстве, причисляя его к слугам Смерти. Суда над наемником еще не было, и лишь Стром да Эгирин точно знали причину покушения на Мориуса.

– К сожалению, Нитта, нашего друга убили из зависти, – сообщил Стром, когда Ева поднялась на второй этаж, чтобы проведать Висмута. – Он был слишком хорош для этого города.

– Но для чего тогда он просил у меня эти книги? – не понимала Нитта.

Капитан отвлекся от чистки трубки.

– Скажите, Нитта, – Стром посмотрел девушке в глаза, – вы нам доверяете?

– Капитан, я вас прошу, перестаньте мне «выкать»... – вздохнула Нитта, – и, конечно, я вам доверяю. Ведь Мориус... оставил вам дело всей своей жизни. Он доверял вам, почему же я тогда не должна?

– Тогда предлагаю переходить на «ты», – кивнул Стром, добавляя табак в трубку. – Дело в том, что среди нас есть... кхм... медиум.

Нитта отреагировала спокойно. Казалось, ее ничем нельзя было удивить. Стром не стал говорить слово «некромант», чтобы не шокировать Нитту раньше времени.

– И один призрак, – добавил капитан.

– Да? – флегматично спросила Нитта. – И где же они?

– Медиум сейчас наверху, а призрак... да кто его знает? Где-то среди нас. Я его не вижу.

– Медиум – это ваш друг, который сейчас болен?

Капитан покачал головой.

– Неужели Ева? – Нитта приподняла бровь.

Стром кивнул и наконец закурил.

– Думаю, Мо пытался изучить дар Евы и поэтому просил тебя достать для него книги. А не потому, что сам занимался некромантией. Он все же был доктором.

Нитта задумчиво молчала. Слез уже не осталось, после похорон наступила отрешенность.

– Хотя, если честно, я рассказал о Еве не потому, что хотел прояснить причину, по которой Мо изучал эти книги, – Стром выпустил в воздух пару дымовых колец, – а потому что наш друг-призрак еще и музыкант. Уверен, его музыка нам всем сейчас не помешает.

– И что, он может нам сыграть? – Нитта взглянула на рояль.

– Думаю, да. Наверняка он и сам мечтает об этом?..

Вопрос был задан куда-то в воздух, но Стром знал, что Дарий все слышит. И оказался прав: свечи в канделябре потухли и тут же снова зажглись.

– Поиграй нам, Дарий, – попросил капитан.

Призрак, выполняющий приказ, отданный Евой в восьмигранной усадьбе, – делать то, о чем просит Стром, мигом оказался у рояля и, подняв крышку, аккуратно нажал на клавиши.

Ева, протирающая в этот момент лоб Висмута влажным полотенцем, услышала музыку и застыла на месте. Внезапно она побледнела и внимательно прислушалась: криков ужаса из холла не последовало. Что же там происходит? Может быть, Нитта уехала?

Позабывшись о коке, Ева осторожно спустилась в холл. Капитан курил, сидя в кресле, а в соседнем расположилась задумчивая Нитта. Увидев Еву, она приподнялась. Дарий предсмотрительно перестал играть.

– Ева, – обратилась Нитта к хозяйке, – а Мориус – он тоже где-то среди нас?

Ее голос был взволнованным и полным надежды. И ее можно было понять: пережить утрату легче, зная, что любимый человек все еще незримо находится рядом.

Ева удивленно посмотрела на Строма, и тот одобритительно кивнул, подтверждая, что все в порядке.

– Ты можешь с ним как-то... поговорить? – Нитта в отчаянии заламывала руки.

– Мне жаль, Нитта, но Мориуса нет среди призраков. Только ты не расстраивайся, – добавила Ева, видя, как вмиг сникла невеста лорда, – для погибших оставаться в нашем мире – настоящее мучение. То, что лорда нет среди нас, означает, что он продолжил свой путь, и это хорошо.

Нитта устало опустилась в кресло и, сморгнув выступившие на глаза слезы, скорбно уставилась на огонь.

– А ты можешь вызвать его дух? – глухо спросила она. – Говорят, медиумы такое практикуют. Я хотела бы с ним проститься...

Ева отрицательно покачала головой, но тут же задумалась: а вдруг все-таки может? Надо бы узнать об этом попозже. И вообще уточнить, что еще может некромант. Кажется, Мориус просил прочесть его дневники. Что ж, Ева займется этим завтра, а сейчас... сейчас лучше отыскать утешение в по-настоящему волшебной музыке Дария.

Утром Стром отвез Нитту домой, а сам отправился в город. Ева осталась с Висмутом. Дарий не мешал, предпочитая музицировать. Он так соскучился по клавишам, что готов был играть сутки напролет. Ева не возражала – музыка ее успокаивала. Кока продолжало лихорадить, и доктор, пришедший его навестить, делая перевязку, постоянно хмурился и качал головой. Рана ему не нравилась. Образовавшийся некроз настораживал, и лекарь полагал, что без повторной операции не обойтись. Уходя, доктор предупредил, что, если нагноение не прекратится в ближайшие пару дней, больного придется вернуть в госпиталь.

Однако через два дня Висмуту стало заметно лучше. Жар все еще мучил его, но кок нашел в себе силы самостоятельно есть. Держать ложку он пока не мог, и Ева кормила его, как маленького ребенка.

– Ты совсем не улыбаешься, – слабо сказал Висмут, – а раньше была улыбчивая.

– Как-то не хочется мне улыбаться, Вис, – ответила Ева. – Ты ешь, а то совсем похудел.

– Ты тоже.

– Что?

– Похоже, ты тоже совсем не ешь, – заметил кок. – Похудела...

Глядя на нее, Висмут испытывал двоякое чувство: он был счастлив оттого, что она рядом, но при этом сердце щемило от ее вида, взгляда и настроения. Ни следа той трогательной наивности, которую он заметил при знакомстве. Взгляд Евы стал пронзительным, словно осколки льдинок, и тяжелым, а сама она все больше молчала, замыкаясь в себе. Если раньше она охотно поддерживала беседу, то теперь отвечала односложно и кратко, и даже когда вечерами Стром рассказывал забавные истории, дабы отвлечь кока, Ева задумчиво глядела в окно, все больше погружаясь в собственные мысли. Висмуту казалось, что он впервые увидел призрака – Ева физически находилась с ними, но при этом будто не жила.

Днем, когда Висмут спал, она читала записи лорда, но ничего полезного в них для себя до сих пор не обнаружила. Все, о чем писал Мориус, она и так уже знала. Судя по заметкам доктора, он успел все-таки съездить в Гланбери, где познакомился с травницей Мэв. Ведьма, наверное, расстроится, когда узнает о гибели ученика. Судя по тому, сколько семян она дала ему в дорогу, лорд ей очень понравился. Кульки с семенами Стром нашел в усадьбе при уборке и привез их Еве, помня о том, что та когда-то хотела стать травницей, однако она оказалась безразлична к бесценным запасам и убрала их с глаз долой, чтобы не мешали.

Цветы слепоты, растущие во дворе, Ева срезала и разложила сушиться на чердаке. Она не знала, понадобятся ли они ей, но, прочитав записи лорда, поняла, что будут нужны Строму для изготовления лекарства. Поэтому решила сохранить драгоценные стебли.

Состояние Висмута улучшалось, и доктор разрешил друзьям перевязывать раненого самостоятельно, а сам навещал его теперь через день.

– Скоро ты совсем поправишься, – сказала Ева, промывая рану.

Висмут уже сам вставал и ел, но высокая температура еще держалась, хотя кок уже начал к ней привыкать. Пока Ева наносила целебную мазь, Висмут внимательно наблюдал за ней. Он больше не пытался ее поцеловать или вообще как-то продемонстрировать свое к ней отношение. Движения Евы были аккуратными, бережными и почти не причиняли Висмуту боли, когда она перевязывала его. Ему было больно совсем по другой причине: Ева страдала. Он видел это по ее угрюмому виду, по тяжелому взгляду, по тому, как она иногда смотрит в окно, словно надеется увидеть там кого-то. Кого-то, кого она любила. Он слышал ее вздохи, которые она пыталась скрыть за звуками музыки, что исходили от рояля. Висмут уже мог спускаться ненадолго в холл, чтобы погреться у очага вместе со всеми и, наблюдая за девушкой, которая вместе с Шерлом забиралась в кресло, понимал, что прежней Евы больше нет и, возможно, никогда уже не будет.

Стром много курил, что показывало, как сильно он переживает, и хмуро листал тетради Мориуса, пытаясь в них что-то найти. Неужели рецепты лекарств? Висмут не знал, что Стром искал хоть какой-то способ остановить разрушительные изменения, происходящие с Евой. Капитан ошибочно полагал, что виной тому темный дар и душевные травмы, с которыми Ева никак не может справиться. Ее подопечный призрак в какой-то момент почему-то перестал вести с ней свои целебные диалоги и все больше времени уделял музицированию. Казалось, Дарий оставляет рояль только на ночь, чтобы дать выспаться домочадцам. Стром не мог узнать, почему призрак так себя ведет, и замечал, что Ева все сильнее погружается в себя. Она все время молчала: либо читала, либо думала, а говорила редко и мало и мыслями своими ни с кем не делилась. Если раньше Стром мог приблизительно понять, о чем она размышляет, ведь все эмоции Евы были написаны на ее лице, то теперь она становилась все больше похожа на Ланда, которого описывали как нелюдимого, угрюмого и неразговорчивого темного мага.

Килан каждый день виделся с капитаном в городе и, узнавая новости о Еве, ненавидел сам себя. Он весь извелся и несколько вечеров подряд подходил достаточно близко к дому на холме, намереваясь поговорить с возлюбленной. Шут всерьез собирался рассказать ей правду, надеясь, что остановит изменения, происходящие с ней, однако Сомбер вовремя отговаривал его. Музыкант верил в то, что у Евы достанет сил сопротивляться влиянию дара, и уверял, что

надо дать ей время переболеть. Раснария был солидарен с братом и считал, что нужно дать Еве возможность присмотреться к Висмуту, который готов был отдать за нее жизнь. Раснар никогда никого не любил столь же глубоко, как Шут любил Еву, и не думал о том, какую боль причиняет брату своими словами. Средний Нимени испытывал лютую ярость, думая о том, что кок все же добьется своего, однако понимал, что братья правы, и, оставаясь за плотно переплетенными ветвями живой изгороди, просто слушал удивительно красивую музыку Дария, доносящуюся из окна гостиной, после чего незаметно покидал свое укрытие.

С похорон лорда прошло чуть больше двух недель, боль утраты понемногу притуплялась. Днем началась оттепель, и с крыши уже свисали первые сосульки. Стром сбивал их с утра и уезжал в город, где проводил время, собирая необходимые документы. Нужно было отправить уведомления: о новых владельцах угодий Сагардов, а также о новой хозяйке поместья в Глаасе. Нитта все еще была в трауре, и Стром во всем ей помогал. Кроме того, он уговаривал ее уехать из Сомнуса вместе с отцом в родовое поместье лорда на случай, если сообщники Паломы, который находился под следствием, захотят как-то навредить им. Нитта пока не согласилась, но обещала подумать. Капитан же хотел для начала оформить специальный документ на корабль-шляпу, подтверждающий, что Стром не занимается магией, а зачарованным является именно бриг. Ведь если понадобится ехать на Стекланный архипелаг, нужно иметь при себе такую бумагу, чтобы избежать ареста и дальнейших разбирательств. Сделать такой документ мог любой маг, но капитан собирался договориться об этом с Вормаком на Эмпории. Это было бы легче всего. Подписать бумагу – это не чудо, поэтому играть ради этого Ворон не станет. Стало быть, договориться можно будет за деньги или за какую-нибудь услугу для пернатого.

Висмуту стало лучше, но он все еще был вынужден соблюдать постельный режим. Капитан позволял ему вечерами спускаться в гостиную, чтобы поужинать вместе со всеми, послушать музыку Дария и поговорить с друзьями. Нож, пущенный наемником, попал в верхний отдел груди, немного ниже ключицы и повредил легкое, занеся серьезную инфекцию, которая вызвала сильное нагноение, некроз тканей и лихорадку. Висмут поправлялся, но в разы медленнее других пациентов с подобными ранениями.

– Очень хочется выйти на улицу, – сказал он во время очередной перевязки. – Я слышу, как поют птицы по утрам. Там весна.

– Вот поправишься, и погуляем, Висмут, – ответила Ева, перекидывая бинт через его плечо.

– И ты со мной?

– И я с тобой.

Все время, пока Висмут болел, она заботилась о нем. Готовила еду и отвары, промывала и перевязывала рану, помогала одеться и меняла постель. Однако Висмут не чувствовал во всем этом любви. В ее действиях он отчетливо ощущал благодарность, сострадание и участие, но в глазах видел лишь затаенную боль от насильно похороненных чувств к другому человеку.

Когда Ева завязала бинт на груди пациента, Висмут перехватил ее руку и, подтянув поближе, прижал Еву к своей груди.

– Спасибо за все, что ты делаешь для меня, – прошептал он и поцеловал Еву в макушку.

Ева промолчала. Она немного растерялась, но не оттолкнула Висмута от себя, слабо обняв его в ответ.

Висмут знал, что будет ненавидеть себя за то, что собирался сказать ей, но иначе поступить не мог. Он много думал, постоянно наблюдал и многое осознал. Он больше не нахальный мальчишка, мечтающий добиться девушки во что бы то ни стало. Не тот горячий юнец, привыкший получать желаемое и недооценивающий чужие чувства. События последних недель, а также искренняя любовь заставили его полностью пересмотреть свое отношение к жизни, а с ним и собственное поведение. Он прекрасно понимал, что чувствует Ева, и с ужасом осозна-

вал, каково сейчас Шуту, собственными руками оттолкнувшему возлюбленную от себя. Висмут вспомнил, каким решительным был Килан, когда они говорили о Еве в каюте. Шут не собирался отступать, и его намерения были самыми серьезными. Тот факт, что он до сих пор не заявился в ее дом, говорит о том, что он внял словам кока и, наступив себе на горло, отказался от Евы. Висмут был уверен: если бы Килан увидел Еву сейчас, то признался бы ей в своих чувствах немедленно, лишь бы она перестала превращаться в тень.

Висмут погладил Еву по спине и, набравшись смелости, заговорил:

– Ева, я много думал. И уверен, ты должна знать, – он сглотнул подступивший к горлу ком. – Помнишь наш разговор на «Провидце»? Это все неправда.

– Что? – Ева отстранилась и взглянула в его глаза.

– Я сказал, что для Шута ты – игрушка... что он не любит тебя, а просто развлекается, и у него постоянно новые пассии. Так вот: это все неправда, – Висмут выдохнул. – После того как... как он поцеловал тебя, я говорил с ним. И, поверь, у него были самые серьезные намерения. Он бы никогда не обидел тебя, Ева.

– Ты бредишь, Висмут, – Ева дрожащей рукой потрогала его лоб. – У тебя снова жар? Я позову Строма.

– Нет...

– Тебя лихорадит, Вис, я схожу за Стромом.

– Да нет же, – Висмут перехватил запястье Евы, – не уходи. Я в порядке. Не знаю, что он наговорил тебе в таверне, но, поверь, у него была на то серьезная причина. Я клянусь, Шут сам сказал мне: он любит тебя и ни за что не отступит. Но, думаю, это я убедил его сдаться. Я сильно ревновал, прости меня. Не могу больше видеть, как ты мучаешься.

Ева заморгала. Маска, которую она носила все эти дни, вдруг начала сползать, и на глаза навернулись слезы. Казалось, вместе с маской, обнажая истинные чувства, слетал не только налет безразличия, но и загрубевшая кожа, которая, отрываясь, вызывала невыносимую боль, от которой хотелось плакать.

– Висмут, не нужно жалеть меня! – всхлипнула Ева. – Мне не нужна эта ложь. Он в точности подтвердил твои слова. Ты был прав! И я рада, что его истинное ко мне отношение открылось раньше, чем я успела наломать дров. Я ценю твои старания, ведь прекрасно знаю, как ты ко мне относишься, но... – Ева заплакала, – пожалуйста, не пытайся его защищать. Он поступил со мной, как самая настоящая свинья, будто и другом мне никогда не был. Да что уж там... видимо, и не был! Друг никогда не стал бы так издеваться...

С этими словами Ева высвободила руку и выбежала из спальни. Не стоило показывать Висмуту свои слезы. Никто до этого момента не говорил с ней о произошедшем в кабаке, и она даже не предполагала, что упоминание о Шуте так сильно ее заденет. Этот разговор вызвал у нее, пожалуй, слишком сильную реакцию, и Ева проплакала почти весь вечер, сделав вид, что спит, когда Стром позвал ее ужинать. Ночью Ева почти не спала и встала очень поздно с сильной головной болью. Стром не стал ее будить и уже давно уехал в город. Снизу пахло едой. Ева спустилась в холл и увидела суетящегося Висмута.

– Тебе надо лежать, Вис, – сообщила Ева, опустившись в кресло.

– Хотел приготовить для тебя отвар, – улыбнулся он, – ведь ты сама себе его не сделаешь. Вот, держи, – Висмут протянул большую кружку с каким-то пряным варевом, – это успокоит душу и придаст сил.

Ева вздохнула. Как она ни старалась скрыть свои чувства, все равно все прекрасно видели, как она страдает. К черту маску Мориуса, она не работает! Видимо, это была его сила, но не Евы. Она вдохнула аромат отвара и отхлебнула из чашки. Пахло мятой, медом, лимоном и чем-то еще.

– Вкусно, – слабо улыбнулась она, – спасибо, Висмут.

Кок улыбнулся в ответ: он был рад и такой улыбке, ведь она была первой после тех событий в таверне.

Когда Висмут ушел, Ева снова занялась чтением мемуаров Мориуса. Дневников и рабочих тетрадей у лорда оказалось несколько. И как понять, какой именно дневник стоило читать первым? Помнится, умирая, он сказал прочесть все. Почерк лорда было трудно разобрать, поэтому друзьям потребовалось на это время. Даже Нитта, помогавшая ему в исследованиях, не сразу смогла понять значение некоторых каракулей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.